

И да узрел Охламон, что сие есть круть несусветная!

Мультсериал «Магазинчик БО»

Междугородный двухэтажный автобус «Ставрополь – Москва» остановился на Зацепе. Водитель не доехал до Павелецкого вокзала, он гнал машину сутки, утомился и с пассажирами был неприветлив. Около церкви святых мучеников Флора и Лавра, которых на Руси издавна почитали как покровителей лошадей, автобус неожиданно распахнул двери.

– Пошевеливайтесь, граждане, вокзал недалеко, – раздраженно бросил водитель. – Я в другую сторону, мне отдыхать надо.

Часы на моем запястье показали шесть утра. Измученные пассажиры, всю ночь дремавшие в неудобных позах, не спорили и безропотно покидали теплый салон, только одна пожилая женщина на костылях возразила:

– Обещали при покупке билета, что довезут прямо до вокзала! А тут от Зацепа еще полкилометра топать!

Водитель ей не ответил. Понурившись, она вместе со всеми заковыляла к выходу.

Гора разноцветных матерчатых сумок, выгруженных из багажного отделения прямо на снег, сигналила, что

следует как можно быстрее отыскать свою и уходить. Автобус раскатисто чихнул выхлопной трубой и затерялся в крошке декабрьской метели, щедро сыплющейся с небес.

Минут через десять я осталась посреди улицы совершенно одна. Мобильник в кармане отсутствовал, его пришлось продать, чтобы оставить матери деньги на продукты. Из нашей большой семьи после войны в Чечне в живых остались только я и мама. Ее участием стала жизнь в коммуналке в русском селе Бутылино – у южных границ дряхлеющей империи. Комната в бараке, взятая мной в долгосрочный кредит под тридцать шесть процентов годовых в банке «Русский стандарт», требовала постоянных платежей.

Надежду на лучшую долю сулил клочок бумаги с телефонным номером столичных правозащитников. Они пообещали меня встретить, но поблизости никого не наблюдалось. Уйти в здание вокзала я не решилась, чтобы окончательно не потеряться. Накутанная в теплый шерстяной платок, я с волнением озиралась вокруг. По законам чеченской земли девушка не имеет права путешествовать без сопровождения: нам разрешено передвигаться на дальние расстояния исключительно со старшими из своего рода. Я нарушила традиции не только жизни, но и смерти: из двадцати одного прожитого мною года десять лет длилась война. «Раз на войне выжила, то и здесь не пропаду», – подумалось мне, тем более что любимый кинжал был со мной.

Время течет незаметно, когда оказываешься в новом месте. Все вокруг захватило мое внимание: высокое современное здание в духе сталинского ампира, которое проявилось из темноты, угрожающе острые сосульки на балконах жилых домов, переливающиеся в свете фонарей, и машины, несущиеся мимо. Прохожие наполняли

улицу: в ранний час это были в основном бомжи и нищие. Инстинктивно я шагнула поближе к лучистому фонарю у ограды церкви, вокруг которого падающие снежинки создавали атмосферу доброго волшебства.

Маргинальных личностей милиция громкими криками гнала прочь с вокзальной площади, и они, блуждая по улице, заглядывались на мои тяжелые сумки, где лежали одежда и детские дневники, но не смели приблизиться – их отпугивал яркий свет.

Я заметила колоритного бомжа в шапке-ушанке и заплатам ватнике болотного цвета, опирающегося на квадратную ножку стола, как на трость. Старик неуклюже сутулился. Он постелил картонки на заледеневшую землю у ограды и уселся просить милостыню. Я подала ему два рубля.

Нищий пожаловался:

– Ничего для нас не делают, мы, как бродячие собаки, помираем. Жить негде, есть нечего, денег нет...

– Совсем никто вам не помогает? – участливо спросила я.

– Никто! Никому мы не нужны, ни власти, ни активистам, система накрылась, – захохотал нищий, а потом, спохватившись, добавил: – Врач иногда приходит. У нее светлые волосы и пронзительный взгляд. Она раздает у вокзала пледы и лапшу в пакетиках. Бывает, что горячее принесет в бидоне: макароны по-флотски или чай с бутербродом. Мы, бедный люд, всегда ее ждем.

– Чудесная женщина! – согласилась я.

– Слава богу, мир не без добрых людей. Но их очень мало. Добрых людей называют дураками, при жизни им тяжело приходится: то сожгут, то отравят, то распнут. Но они без страха следуют путем Христа и других праведников. – Бомж прослезился. – А ты, деточка, к кому приехала?

– В семью, детей нянчить. Вначале они меня в деревню под город Владимир хотели отправить. Потом изменили

решение, сказали, что в столице буду за их детьми смотреть.

– Встретить забыли? – догадался старик.

– Похоже на то. Уже больше часа их жду. Замерзла.

– Так позвони им. Павелецкий вокзал большой. Как они узнают, что ты у церкви?

– У меня нет телефона, – сказала я.

– У меня тоже, – пожаловался бомж, а затем посоветовал: – А ты попроси у прохожих. Кто-то, конечно, пошлет подальше, а кто-то, глядишь, поможет. Не все же слуги сатаны.

В предрассветной белесой дымке на работу спешили угрюмые москвичи. Им в лица ветер швырял колкие снежные кристаллики, вокруг кряхтел нешуточный мороз, и радоваться, собственно, было нечему. Наверное, поэтому люди в столице совсем не улыбались.

Я обратилась к приличному на вид мужчине средних лет:

– Меня забыли встретить, я сутки ехала из Ставрополя. Помогите, дайте телефон позвонить.

Коренастый мужчина в дутой куртке с меховым воротником остановился и полез в нагрудный карман. Как назло, в этот момент фонарь у церкви выключился, и я с трудом набрала цифры московского номера с клочка бумаги.

– Алло? – раздалось в трубке.

– Здравствуйте, это Полина. Меня обещали встретить. Госпожа Тюкина помнит об этом?

– Тюкина?! – закашлявшись, переспросил мужской голос. – Да она храпит на весь дом! И не собирается никого встречать. А вы кто? Объясните толком, а то я вообще не в курсе.

Мне стало не по себе. Неужели меня заманили аферисты и я оказалась в незнакомом городе без обратного билета, без мобильного телефона, без денег? Возвращаться

мне было некуда. Нужно было платить кредит за комнату, где я поселила больную маму. Куда идти? Что делать?

– Меня зовут Полина Жеребцова. Я родилась в Грозном, выросла на войне, была ранена, работала журналистом, затем переехала на Ставрополье, учусь заочно в университете на психолога, договорилась с госпожой Тюкиной нянчить ее детей в Москве, – в полном отчаянии выпалила я.

– Москву знаете? – спросили в трубке. – Сами доберетесь? Я продиктую адрес.

– Адрес записать негде. Меня высадили из автобуса у церкви Флора и Лавра, здесь стою и жду вас с шести утра.

– Ясно. – Судя по тяжелому вздоху, мужчина, который говорил со мной, глубоко задумался. – Я сейчас выпью кофе и за вами приеду. Буду на Павелецком вокзале примерно через час.

– Хорошо! – воспрянула я духом.

Поблагодарив незнакомого человека, у которого за время этого разговора удивленно вытянулось лицо, я вернула мобильник и плюхнулась на свои сумки рядом с бомжом.

– Ты справишься с трудностями. Ты молодая и упрямая, – решительно сказал нищий.

Хотела возразить, что я робкая, неуверенная, выросшая в строгих традициях Кавказа, но старик, взяв деревянную ножку стола и методично постукивая ею по льду, продолжил:

– У меня глаз наметан. Верь в себя. Ты очень сильная. Настоящий воин.

– Спасибо.

– Меня дедом Василием зовут. Ночую, когда не гоняют, на Павелецком вокзале, а если вышвыривают оттуда, то я на картонках сплю. Здесь за домами есть свалка, на свалках картона много... Если повезет, я в подъезде прячусь в метель или ковыляю к теплотрассе.

Зимний день нависал над столичными улочками, тускло освещая очерченными линиями судьбы миниатюрный квадрат, где очутилась я, словно шахматный солдатик на черно-белой доске. В ожидании встречающего я слушала истории деда Василия: как он работал на радиотехническом заводе, как жена ушла к его лучшему другу, а он с горя запил, как в перестройку черные риелторы отобрали жилье на Цветном бульваре...

– Государство нас не защитило, – грустно вздыхал старик. – Мы жили в СССР, а теперь Россия называется, и никто ни за что ни в ответе, и выживай как хочешь...

На календаре была суббота, девятое декабря две тысячи шестого года.

Торопливым шагом к нам приблизился мужчина лет шестидесяти в потертой кожаной куртке и лихо заломленном набок бархатном берете цвета вороньего пера, внешне похожий на француза или испанца. Его остроколючая седая борода и хитроватый прищур карих глаз сразу выдавали человека творческого. Из-под берета выбивались непослушные седые пряди, словно мужчина только что сошел со старинной гравюры. Он был подтянут, строг и сразу меня узнал.

– Лев Арнольдович Штейн, – представился он, слегка поклонившись. – Я – супруг Марфы Кондратьевны Тюкиной. Здравствуйте!

– Здравствуйте! – сказала я. – А почему госпожа Тюкина забыла о моем приезде? Мы же с ней предварительно договаривались. Я три часа околеваю на морозе!

– Подтверждаю! Три часа ждет девушка, – кивнул дед Василий.

– Марфа Кондратьевна – коренная москвичка, считай, барыня, она делает только то, что ее величеству вздумается, – охотно объяснил Лев Арнольдович, подхватывая

мои сумки и одновременно подавая деду Василию десять рублей.

Нищий заулыбался беззубым ртом, хватая бумажку.

– А вы откуда? – удивленно спросила я Льва Арнольдовича. – Вы не москвич?!

– Я еврей!

Лев Арнольдович перемещался по улице так быстро, что я едва поспевала за ним. В здании Павелецкого вокзала, куда мы практически вбежали, я впервые в жизни увидела эскалатор.

– Вперед, в метро! – скомандовал Лев Арнольдович, подталкивая меня к движущейся лестнице.

– Боюсь! – Я попятилась.

– Стоять надо с правой стороны, – буднично сообщил Лев Арнольдович.

Пока эскалатор шел вниз, я повизгивала и цеплялась за тех, кто стоял впереди. Удивительно, но москвичи не возмутились, а некоторые даже поддержали меня, чтобы не упала.

Мы сели в поезд и поехали по Кольцевой, а затем перешли на другую линию и отправились на станцию «Битцевский парк». От метро пришлось несколько кварталов идти пешком, чтобы сэкономить на автобусе. И вот передо мной возник дом в шестнадцать этажей, а за ним – густой смешанный лес.

На восьмой этаж мы поднялись на лифте. Кабина внутри была изрисована пошлыми картинками и исчерчена непечатными ругательствами. Судя по всему, в ней поработали ножами и фломастерами, а затем оставили после себя неприятный терпкий запах мочи.

– Так и живем, – поведал Лев Арнольдович, затыкая рукавом нос.

Он отпер железную дверь ключами и пропустил меня вперед. Оказалось, что в общем коридорчике рядом

с квартирой госпожи Тюкиной расположена квартира соседей. Вторая дверь, деревянная, была распахнута. Я замешкалась на пороге, заметив шарообразное создание, жутко завывающее в темной прихожей.

– Ну, заходи уже! – Лев Арнольдович нетерпеливо подтолкнул меня в спину, и я буквально влетела в квартиру.

Передо мной стояла абсолютно нагая девушка лет семнадцати, которая издавала бессвязные звуки и махала руками. Она со звериным рыком бросилась на меня:

– Ра-а-а! М-м-м!

– Кыш, Аксинья! – грозно прикрикнул Лев Арнольдович, отгоняя ее. – Пошла к себе! Живо! Прочь! Иначе накажу!

Аксинья убежала.

– Моя дочь Аксинья неизлечимо больна, ее рассудок сравним с рассудком капризного двухлетнего ребенка, – объяснил Лев Арнольдович. – Без присмотра шампунь, порошок, крем, зубную пасту не оставлять! Все прятать! Она их ест, как печенье! Может проломить череп. Руки у нее как кувалды. И еще – береги глаза. Мы держим ее дома, не сдаем в психбольницу, хотя врачи давно советуют. Но ведь известно, что санитары частенько издеваются над душевнобольными, бьют их до полусмерти. Мы не хотим для нее такой участи.

Лев Арнольдович бросил мои сумки в коридоре, рядом с кошачьим лотком, от которого исходило зловоние, и, разуваясь, наступил ногой в лужу.

– Твою ж мать! – недовольно взвизгнул он. – Опять Мяо Цзэдун напрудил?!

– Нет, папа, это не он, – прошептала пухленькая девочка с вьющимися рыжими волосами. Она сидела на тумбе с обувью. – Я все видела. Это сделала Мата Хари!

– Ну я ей покажу, шпионке! – Лев Арнольдович стянул с себя мокрые носки, швырнул их на полку с книгами,

прибитую к стене над диванчиком, и, оставив меня, потянулся в длинном извилистом коридоре.

Прихожая была просторной, но очень грязной и запущенной. Ее слегка освещал торшер, можно было рассмотреть, что на полу лежит миниатюрный заляпанный коврик.

– Тетя, вы наша новая няня? – спросила девочка и добавила: – Я – Ульяна, люблю комиксы и мультик про Шрека.

Присмотревшись, я поняла, что ночная рубашка на ней надета задом наперед.

– А я Полина. Няня. Много вас у папы с мамой?

– Два мальчика и три девочки. Глафиру сдали в интернат. Она там горько плачет.

– Большая семья!

– Тетя Полина, я вам так рада!

Ульяна прыгнула с тумбочки и протянула мне руку. Я заметила на девочке памперс.

– Сколько тебе лет? – спросила я.

– Пять с половиной. Еще половина, и будет шесть, – ответила Ульяна.

Оставить верхнюю одежду на вешалке не получилось: салазки и пакеты соседствовали на ней с прыгалками, куртками, штанами, халатами и лыжами. Пришлось аккуратно сложить вещи прямо на сумки. Я разглядела на вешалке в прихожей помимо прочего сушилку для белья, туристические рюкзаки и боевой арбалет.

– Покажи-ка дом, – попросила я Ульяну.

– В прихожей Аксинья лампы разбила. Но папа новые лампочки вкрутит, он всегда так делает. Аксинья больно кусалась, Любомиру щеки поцарапала, – сообщила девочка, переминаясь с ноги на ногу. Одна нога была босая, другая – в дырявом носке.

– Разбила лампы?! – ахнула я.

– Аксинья сумасшедшая. Ненормальная. Она очень больно кусается и всегда ходит голая!

– Ульяна, не говори так! – Лев Арнольдович выскочил к нам. – Аксинья все понимает, просто ответить не может. Она живет в другой реальности.

– Папа, она ненормальная! Сумасшедшая! – стояла на своем Ульяна.

– Дайте мне дозу! Дозу! – Детский плач вклинился в наш разговор, раздавшись в одной из комнат. Всего я обнаружила три двери, не считая ванной, уборной и кухни.

– Какую тебе дозу, Любомир?! – спросил властный женский голос в гостиной, и через секунду невидимая женщина добавила: – Отстань! Уймись!

– Компьютера! – пискляво заявил мальчишка. – Мне положена доза! Мы договаривались! Дозу! Я требую свою дозу!

– Вот это видел, Любомир? Кукиш тебе, а не компьютер! – бодрый голос другого сорванца спешно встрял в слезливое прошение.

– Ах так? – с вызовом спросил Любомир.

– Христофор! Любомир! Ну-ка сейчас же замолчите! – женский голос стал отдавать металлом.

– Мама, ничего ему не давай! – рычал Христофор. – Все здесь мое! И компьютер тоже мой!

– Лев! Ну-ка немедленно уведи мальчиков, они меня достали! – требовательно крикнула женщина.

– Кошки наделали в прихожей, голубушка Марфа Кондратьевна! – Лев Арнольдович метался со шваброй. – Не гневайся, родная душа, некогда мне.

Мальчишки продолжали спорить:

– Ничего тебе не положено!

– А я дам тебе в глаз!

– А-а-а!

– И-и-и!

Судя по всему, они начали драться.

– Это мои братья Христофор и Любомир! Любомир – пищалка, – пояснила Ульяна.

– Пищалка?

– Он ужасно пищит.

Потасовка пошла на спад, раздалось победное:

– Вот так тебе, получай в пятак! И леща сверху!

И квартиру огласил настолько истошный визг, что я невольно зажала уши, чтобы не оглохнуть.

– Почему чай не пьете? – поинтересовался у нас Лев Арнольдович.

Ульяна поманила меня в кухню.

Деревянная дверь была заперта на ржавый амбарный замок, укрепленный цепью, но стекло, которое, по задумке неведомого мастера, украшало когда-то середину конструкции, было выбито.

– Заходите, тетя Полина! – Ульяна проникла через отверстие в двери без ключа, и ее миловидная мордашка задорно улыбнулась уже из кухни.

– Как же я туда пролезу?! – удивилась я.

– Повторяйте за мной, няня! – Девочка ловко вылезла обратно и еще раз показала, как именно нужно проникнуть на кухню.

Подумав, что это глупая затея, я зажмурилась и все-таки шагнула в дыру. Правая нога пролезла сразу, затем мне пришлось согнуться дугой и проползти, вытянув руки вперед. Только после этих манипуляций удалось протиснуться в кухню левую ногу и разогнуться.

– Молодец, тетя Полина! – похвалила меня Ульяна. – Вы проходите в дыру по размеру! Аксинья не проходит! Она сильно разъелась! Толстая! От нее дверь и закрыли.

Середину кухни занимал грубый деревянный стол, вокруг него стояли длинные лавки, как в избах на Руси доПётровских времен. Одна из ножек стола утончилась вполовину под воздействием кошачьих набегов: судя

по всему, о нее регулярно точили когти. Стол, когда-то светлый, был завален огрызками и объедками, словно бесчисленные пиры варваров проходили здесь ежечасно, а в раковине и вокруг нее триумфально возвышались горы грязной липкой посуды. К плите прочно приклеился женский капроновый чулок, а обрамлением для него служили завядшие листья капусты и шелуха от репчатого лука. На задней конфорке у кафельной стены балансировала похожая на пизанскую башню конструкция из дурно пахнущих сковородок и кастрюль, рискуя в любой момент потерять равновесие и с грохотом разлететься по полу. Довершал бедлам рыже-белый котенок, спавший в розовой пластмассовой хлебнице посреди стола.

– Чубайс! – нежно погладила его Ульяна. – Наш усатый манюнечка!

Осмотревшись, я почувствовала себя в эпицентре взрыва Тунгусского метеорита.

– Завтракать! Завтракать! – Бородатая физиономия хозяина проворно лезла через дыру в кухонной двери.

Лев Арнольдович без труда одолел преграду и, обнаружив мирно посапывающего котенка Чубайса, изящно вытряхнул его из хлебницы на лавку, усеянную, как и пол, мелкими игрушками и деталями конструктора LEGO.

– Животные совсем обнаглели! – объяснил Лев Арнольдович, включая электрический чайник, стоявший в углу на холодильнике.

«Куда я попала?!» – подумалось мне, но оказалось, что, засмотревшись на огромный кусок сливочного масла, прилипший к зимнему ботинку, который сушился на батарее, я задала вопрос вслух.

– У нас дурдом! – Ульяна залезла на лавку и похлопала меня по спине пластмассовым динозавром Рексом.

Вокруг наметился такой масштаб работы, что невольно захотелось сбежать немедленно, но я сделала глубокий вдох, как учили индийские мудрецы. В отверстие двери просунулись чьи-то худые голые ноги, затем тощий зад в красных трусиках. Потом обладатель сего полез обратно и начал требовательно стучать.

– Христофор, голубчик, давай лезь сюда, как все, – пробурчал Лев Арнольдович.

– Открыть врата! Немедленно! Я приказываю! Завоеватель идет! – громко заявил мальчик из-за двери.

– Я не знаю, где ключи, лезь в дырку! – спокойно повторил глава семейства.

– А я требую открыть врата и поклониться! Повинуйтесь, рабы! – Сдавать позиции Христофор не собирался. – Если ты сейчас же не подчинишься моему приказу, – заявил он отцу, – я разобью эту дверь ногой. Раз, два, три...

– Христофор, не надо! – Ульяна зажмурилась.

– Ладно, ладно, – моментально сдался Лев Арнольдович. – Ты, Христофорушка, не сердись на старика. Все будет, как пожелаешь.

Он порылся в карманах брюк и протянул сыну сквозь дыру связку ключей. Мальчик отпер замок и вошел в кухню обычным образом, совсем не так, как мы. На вид Христофору едва исполнилось девять. Он был худ, не причесан, его бесстрашные карие глаза сверкали тем самым огнем, что свойственен флибустьерам и разбойникам. Он был невероятно красив, несмотря на чумазое личико. Каштановые локоны обрамляли изящные скулы, кожа отливала бронзой, а физическое развитие соответствовало развитию юных атлетов Спарты. Оглядевшись по сторонам, Христофор сунул указательный палец в нос, вытащил ветвистую зеленую соплю, невозмутимо ее съел, облизнулся и, заправив нестираную, пропитанную потом коричневую майку в трусы, спросил:

– Это еще кто нарисовался на горизонте? Новая нянька, что ли? – И, не дождавшись ответа, заливисто захохотал: – Прошлая нянька у нас шизу поймала!

– Папа уснул прошлую няню домой, в деревню! – шепотом объяснила мне Ульяна. – Она с нами нянчилась и сошла с ума, а позапрошлую няню мама прогнала. Она деньги украла.

– Так ей и надо, воровке! – довольно произнес Христорфор.

Мне показалось, что ему что-то очень нравится в истории с ворованными деньгами, но что именно, я пока не разгадала.

Вопросительно посмотрев на Льва Арнольдовича, я заметила, что он старательно отводит взгляд и одновременно пытается найти хоть одну чистую чашку, но тщетно.

– Полина родилась в Грозном, жила на Ставрополье, теперь будет нам помогать по дому и вас обихаживать, – скороговоркой выдал он детям.

– Нам нужно называть ее «тетя Полина»? – спросила отца Ульяна.

– Какая она вам тетя?! Ей двадцать лет! Достаточно обращаться по имени, – отчеканил Лев Арнольдович.

В распахнутую дверь кухни вплыла женщина с большим животом, растрепанная, в ночной рубашке и халате. На вид ей было около сорока, и я приняла ее за хозяйку, но ошиблась. Это оказалась чеченка, живущая в комнате детей.

– Рожать приехала в Москву! – сообщила она. – Я Зулай. Мужа осудили по статье «Терроризм», на долгий срок в тюрьму упекли, а я беременная. Марфа Кондратьевна позволила здесь перекаптоваться.

– Ясно, – кивнула я, понимая, что работы намечается больше, чем ожидалось.

Ульяна и Христофор ускакали из кухни, не позавтракав, а на пороге появился Любомир с расцарапанными щеками и в памперсе. Любомир отличался от шустрого горделивого Христофора внимательным взглядом бездонных черных глаз и спокойным выражением мраморно-белого личика. Он был в одном полосатом носке и белой майке, облитой кетчупом, который засох, судя по всему, несколько дней назад. Было немного странно, что дети такие разные: Ульяна с рыжими волосами и зелеными глазами, кареглазый Христофор и очаровательный темноволосый Любомир.

Любомир подошел ко мне и, доверчиво похлопав глазами с девичьими изогнутыми ресницами, спросил:

– Тетя, а молочко и хлебушек есть?

Зулай, смахнув пластмассового динозавра Рекса с лавки, села, держась за поясницу.

– Все болит, – пожаловалась она. – Мне так плохо!

Взяв несколько грязных чашек, я понесла их в ванную комнату, чтобы вымыть. К кухонной раковине было не подступиться, а в ванную бочком я протиснулась мимо узлов с грязными вещами и корзины нестираного белья. За это время вскипел чайник, а кусок сливочного масла на ботинке растаял и плюхнулся на пол – его, урча, доедали кошки.

Лев Арнольдovich погнался за крупным серым котом, а чеченка посмотрела на меня с надеждой.

– Ты готовить умеешь? – спросила она, увидев меня с чистыми чашками. – Я шибко голодная. Мне скоро рожать, я не могу тут пахать на всех.

– Не волнуйся, чаю дам, – ответила я.

– А молочка? – продолжал хлопать глазами Любомир.

– Если найду, – пообещала я и спросила: – Тебе сколько лет?

– Четыре, – ответил мальчик и показал на пальцах.

Я обнаружила коробку с пакетиками чая в буфете. На кухонных полках и в ящиках детские игрушки перемешались с рассыпанным рисом, мукой, пустыми банками, салфетками, иконами и кошачьим кормом. Лев Арнольдович сумел поймать серого кота и представил его нам.

– Напоминаю! – доверительно сказал хозяин. – Наши усатые обитатели квартиры ходят в обувь и оправляются в шапки! Шапки проверяйте, прежде чем надеть на голову! Мяо Цзэдун – их главный заводила.

– Он сбивает лапами иконы с иконостаса, – сообщила Зулай, показав глазами вверх.

Подняв глаза, я увидела пятьдесят миниатюрных икон под самым потолком.

– Это еще что! – закивала Зулай. – В комнатах икон гораздо больше! Там Мяо Цзэдун и трудится!

– Сахар есть? – спросила я.

Ни сахара, ни молока не было. На широком подоконнике в кухне стояла сковорода, куда вскарабкался предприимчивый котенок Чубайс. Вытряхнув его и оттуда, Лев Арнольдович, не споласкивая сковороду, сообразил яичницу из нескольких яиц на единственной свободной конфорке.

– Завтрак! – торжественно объявил он.

Раздался топот детских ножек, и кухня мгновенно наполнилась обитателями странной квартиры: пришли все, кроме Аксиньи, запертой в дальней комнате.

– Ее закрыли на засов, иначе она выскочит и отберет еду! – пояснила мне Ульяна.

Каждый из домочадцев жадно схватил по чашке с цветным кипятком и по четвертинке жареного яйца. На запах еды степенной поступью вошла в кухню хозяйка. В длинной черной юбке, в черной водолазке, совсем без косметики. Женщина, разменявшая пятый десяток, выглядела

уоставшей. В ее длинные волосы, отливающие серебром, был вплетен красный шелковый платок.

Я предложила Марфе Кондратьевне чаю. Она внимательно меня оглядела, взяла чашку и удалилась, не сказав ни слова.

– Мама в кабинет пошла, – дернула меня за рукав Ульяна. – Она там запирается и пишет статьи в интернет. Нам играть не разрешают, когда она у компьютера.

Едва Ульяна закончила говорить, как в кухню ворвалась Аксинья. Ее рыхлое тело, густо покрытое черными волосами на лобке и под мышками, колыхалось при ходьбе. Бедная девушка весила гораздо больше сотни килограммов. Издавая протяжные жалобные звуки и сверкая глазами, Аксинья ястребом подлетела к столу и выхватила у чеченки черный хлеб, который та достала из-за кадки с засохшим цветком, разломилась на маленькие кусочки и медленно жевала. После этого Аксинья исторгла из груди победный клич: «Р-р-р-м-м-м!» – и умчалась прочь.

– Опасная особа! Я этот хлебец припрятала для себя два дня назад! – со слезами в голосе вскричала Зулай. – Аксинья может утащить с тарелки колбасу! И хлеб! И яйцо!

– Кто не успел, тот опоздал! – хихикнул Христофор. – Славный кодекс пиратов!

– Ты учишься в школе? – спросила я его.

– Меня за два года уже из трех выгнали! – похвастался он. – Сейчас в православный класс определили. Меня батюшка православный наукам учит. Иногда грозитесь выпороть розгами...

– Он второклассник. Мать хочет оставить его дома, говорит, три класса закончит и пусть дома сидит, в старину же люди так жили, – встряла в разговор Зулай.

– Не позволю этого, – тихо, но внятно произнес хозяин дома.

По окончании завтрака Лев Арнольдович откланялся, а я начала мыть посуду и чистить буфет. Когда закончила, часы показывали пять вечера. Загаженная плита маячила впереди. Зулай все это время сидела на лавке и жаловалась, пытаюсь перекричать напор воды в кране:

– С Аксиньей одна не оставайся. У нее силища богатырская, мужики с ней не справляются. Несколько раз соседям чуть голову не проломила то досками, то банками. Убить может. Без психотропных таблеток она звереет. Все дети непослушные! Лютые! В доме грязь, живут как свиньи!

Христофор, не обращая внимания на взрослых, занимался тем, что нещадно бил младшего брата. Любомир, получив синяки под оба глаза, забился под кухонный стол вместе с Ульяной. Мне стало понятно, что Зулай не наговаривает, а, наоборот, недоговаривает о месте нашего пребывания. Видя жестокие удары Христофора, я боялась, что он оставит младшего брата слепым. На мои замечания, что так себя вести нельзя, Христофор огрызался и ругался матом.

– В тебя черти вселились, – не выдержала Зулай. – Джинны! Шайтаны! Ты плохой мальчик!

– Христофор, не трогай Любомира! – строго сказала я. – Уходи сейчас же из кухни!

– Замолчите обе! Приживалки! Я здесь главный! – грозил нам второклассник. – Не нравится, что я делаю, – валите в свои деревни! Мне в моем доме можно все!

Марфу Кондратьевну велено было не тревожить. Лев Арнольдович закрылся в своей комнате.

– Марфу Кондратьевну из кабинета не выманить даже в случае пожара. Если только это не пожар мировой революции, – горько пошутила Зулай. – По другому поводу ей слова нельзя сказать.

Но я все-таки решила поговорить со Львом Арнольдовичем. Он лежал на раскладушке в небольшой комнате,

обставленной светлой мебелью пятидесятих годов прошлого века, и читал «Новую газету», не отвлекаясь на шум и крики.

– Мы Христофора не ругаем, – сконфуженно признался он, выслушав мою взволнованную речь про то, как тот избивает младшего брата и как мы прячем Любомира под столом. – Мы с Марфой Кондратьевной ждем, когда Христофор сам устыдится своих поступков как истинный христианин...

Обеда не было.

Зулай сказала:

– Здесь так – кто что схватит, тот то и жует! Расписания кормежки нет!

В холодильнике было пусто; там лежали заплесневелая кожура овощей и засохшая зелень. Создавалось впечатление, что хозяева использовали его вместо мусорного ведра.

– Как же вы питаетесь? – спросила я Зулай.

– Иногда появляется картошка, мы ее жарим. В основном хозяева вечером пирожки у метро покупают.

Обыскав все полки на кухне, я нашла несколько сморщенных картофелин и морковь.

– Суп сварю, если купят макароны, – пообещала я.

Зулай поманила меня к антресолям.

– Я там спрятала пакет «Роллтона», – шепотом призналась чеченка.

На запах супа все семейство устремилось в кухню. До этого родители прятались в своих комнатах, а дети то дрались, то часами заторможенно смотрели в экран телевизора.

Я разлила суп по тарелкам и подала к нему сухари, бывшие некогда мягким хлебом, завалившимся за горшки с засохшими цветами.

Прыткий Христофор, сидя на лавке, раздавал направо и налево свои комментарии:

– Ты, папа, не болтай много, а ты, мама, надоела со своими митингами. А ты, Зулай, живешь здесь по нашей милости, тебе надо меньше есть, чтобы нам больше еды доставалось.

– Зулай дала пакет «Роллтона», иначе не сварить бы мне суп, – заметила я.

Христофор презрительно захохотал.

Я кормила с ложки Ульяну и Любомира – младшие дети не были приучены пользоваться столовыми приборами, а Христофор, дурашливо хихикая, вылил воду из лейки на больную Аксинью, одетую в старое платье задом наперед. Она обиженно замычала.

– Что ты делаешь?! – строго спросила я.

Видя, что я не одобряю подобное, Христофор расхрабрился:

– Ты, нянька-рабыня, сейчас же уберешь за мной! Мне все можно!

И он бросил пустую лейку на пол.

– Христофор, так вести себя не следует, – сказала я.

– А я делаю что хочу! – Христофор показал мне язык, ловко запрыгнув на лавку босыми ногами, скакнул, как лягушка, и ударил локтем Ульяну. Девочка подавилась, закашлялась и в ужасе прижалась ко мне.

– Все, Христофор, ты, я вижу, поел и идешь играть в гостиную. – Я привстала из-за стола.

– Ага, сейчас. – Христофор насмешливо фыркнул, но юркнул под стол, а затем вышел из кухни.

Родители никак не вмешивались в происходящее, предпочитая даже не смотреть на сына. Христофор рос как сорняк в огороде, и было неудивительно, что младшие дети, четырех и пяти лет, до сих пор ходили в памперсах. Ульяна и Любомир отличались от старшего бра-

та тем, что вели себя боязливо и покорно, ища у гостей защиту от кулаков Христофора. Зулай, поджав губы, рассматривала крошки сухарей на столе.

– Спасибо за еду, тетя Полина! – очаровательно улыбаясь, поблагодарили меня Ульяна и Любомир.

Они единственные догадались это сделать.

После своеобразного ужина-обеда Ульяна помогла мне спрятать пакет с чеченскими дневниками на антресоли в прихожей.

– Христофор отбирает вещи, тетя Полина, – сказала она. – У Зулай он забрал пудреницу и не отдает! Надо спрятать самое важное.

– Почему Христофору позволено так себя вести? – спросила я Любомира и Ульяну.

Дети пожали плечами, а Зулай пояснила:

– Марфа Кондратьевна в нем души не чает!

Припрятав дневники, я нашла для детей более-менее свежие вещи в шифоньере: вместо разложенных на полках вещей там громоздились мешки с тряпьем.

– Вы можете попроситься в туалет! Зачем вам памперсы? – Я повела Ульяну и Любомира в ванную и помыла своим шампунем.

– Тетя Полина, зачем вы это делаете? – спросила Ульяна.

Вначале я не поняла вопроса. Но через несколько минут дети объяснили, что раньше шампуня не видели.

– Мыться с мылом и шампунем – хорошо, – объяснила я.

– Шампунь?! Что такое шампунь? – удивлялись они.

Оказалось, что детей изредка мыли обычной водой. Дети впервые увидели, что существует мочалка, узнали, что мыться нужно в теплой воде.

– Мама сажает нас в холодную ванну и уходит... – поделился со мной Любомир.

– Мама на нас памперсы надевает, чтобы мы не писали на диван, – объяснила Ульяна.

– Скажите мне, когда захотите писать. Я вас отведу в уборную, – сказала я, переодевая их в чистое белье.

– Лучше в памперс пописать. – Любомир нахмурился. – У туалета может побить Христофор. Он всегда нас бьет.

– Буду вас защищать! – пообещала я.

Чтобы уложить детей спать, мне пришлось из горы комканого белья, валявшегося на полу, выбрать для них подушки, простыни и одеяла. Манера держать постельные принадлежности посреди гостиной оказалась для этого дома нормой. Дети и Зулай жили в большой комнате с лоджией, объединяющей гостиную и кухню.

Ветхий скрипучий диван с торчащими наружу пружинами служил кроватью для Ульяны и Любомира. Лохмотья обоев висели над головами детей вместо ковра. Стены «украшали» рисунки карандашом, похожие на те, что археологи находят в древних пещерах.

Едва я начала укладывать младших, Христофор, поймав в коридоре кошек, с размаху зашвырнул их на диван.

– Мне все можно! Мне все разрешают! – задорно орал Христофор.

Я подошла к нему и схватила за руку.

– Я тебе не разрешаю! – сказала я, глядя мальчишке в глаза, после чего вытолкала его в прихожую и закрыла дверь.

Христофор несколько минут не мог прийти в себя: такое с ним случилось впервые в жизни. Ему – возразили. Помолчав немного, он притворно заныл, выказывая таким образом свое недовольство, а затем, хихикнув, отправился спать в комнату отца.

– Мы боимся Христофора и Аксинью, – признались Любомир и Ульяна.

– Аксинья меня била головой о батарею, кровь текла, – всхлипнул Любомир.

– Сделала ему сотрясение мозга, – пояснила Зулай, лежа на матрасе у лоджии.

– Что вы любите больше всего на свете? – спросила я детей.

– Компьютер! Я могу играть в него целый день, если мама забудет запереть кабинет! И молочко люблю! – оживился Любомир.

– А я люблю книжки о революции! – сказала Ульяна.

– Как это «о революции»? – удивилась я.

– Про Энгельса! Про Маркса! Есть книжка с картинками! Бородатые дядьки хотят изменить мир! Они пишут манифест и летают на Луну!

– Это комикс! – подсказала Зулай.

– А в компьютере есть игра, где танки стреляют по домикам... – добавил Любомир.

Поскольку пол в гостиной был занят беременной чеченкой, я полезла на платяной шкаф. Небольшое спальное место имелось под самым потолком, не беленным последние тридцать лет и частично облупившимся. Туда Лев Арнольдович заранее бросил матрас и зачем-то вместо простыни положил прозрачную клеенку. Подушку и одеяло я не нашла, дети и взрослые проворно разобрали те, что валялись на полу, а других не имелось. Клеенку с матраса я сняла, вскарабкалась по лестнице из пяти круглых ступенек наверх и укрылась своей искусственной дубленкой.

– Спокойной ночи! – сказала Зулай.

Усатое племя нас разбудило. С раннего утра кошка и коты потешно перелетали со шкафов на пианино, оттуда – на книжные полки, прибитые к стенам, переворачивали валявшийся повсюду хлам, карабкались по нему

и с размаху прыгали на грандиозный иконостас, расположенный в правом углу гостиной.

Марфа Кондратьевна устроила иконостасы в каждой комнате, в кухне и даже в прихожей. Лики святых взирали на нас отовсюду. Наверняка праведников смущало подобное безобразие, но они ничего не могли поделать.

По мусульманской традиции изображение людей – великий грех, поэтому мы с Зулай неодобрительно косились на иконы, но понимали, что в чужом доме – чужие порядки.

Любомир, едва проснувшись, помчался в кабинет. Я спустилась со шкафа и поплелась за ним. Ребенок, не почистив зубы, не одевшись и не позавтракав, мгновенно унесся в виртуальную реальность.

– Без разрешения на улицу выходить нельзя, Полина. Круглосуточно будешь за детьми смотреть. Ясно? – не глядя на меня, бросила Марфа Кондратьевна и зевнула.

Хозяйка дома всю ночь провела в кабинете, в котором было от силы восемь метров, а свободных от папок, книг, мешков – метра полтора, чтобы пройти к заветному месту, где стоял компьютер с выходом в интернет.

– За детьми я пригляжу. Не беспокойтесь, госпожа Тюкина, – ответила я.

– С Любомиром у меня проблем нет, – лениво кивнула в сторону младшего сына Марфа Кондратьевна. – Если оставить его у монитора, никуда не убежит. Хоть целый день простоит! В войну любит играть! Только памперс на него нацепи.

– Целый день могу играть! – обрадовался Любомир.

– Никаких памперсов! Ему скоро пять лет! – решительно возразила я.

– Хм, – задумчиво сказала Марфа Кондратьевна и снова зевнула, что-то неспешно ища среди хлама и бумаг. –

Попробуй, Полина, без памперсов. Но если он насыт в моем доме, я с тебя спрошу.

– Ребенку нельзя играть сутками напролет! И вообще – вначале нужно позавтракать, – стояла я на своем.

– Это необязательно. Я после митинга перекушу в «Мемориале», там закуска и выпивка и горячее подают. Настоящий правозащитный дом удовольствий. – Марфа Кондратьевна отчего-то решила, что я забочусь о ней.

Ее кабинет, выходящий окнами во двор, доверху был завален книгами, игрушками, заставлен кадками с засохшими растениями, бутылками, пузырьками с лекарствами и ароматными маслами, а на экране стационарного компьютера с оглушительным грохотом шли виртуальные бои: танки стреляли по городам и селам.

Перед тем как уйти на протестный митинг, хозяйка дома настойчиво потребовала моего согласия три недели круглосуточно нянчить ее детей.

– Я скоро рвану в тюрьму к чеченцам. Подарки им повезу. А тебе за работу хорошо заплачу, когда вернусь. И маму твою сразу в столицу перевезу. Комнату для вас сниму. Обещаю. Дневники тебе помогу издать. Помнишь, ты писала про свои дневники в письме к Солженицыным? Это они меня попросили тебе помочь! Но сначала ты поработай на меня. Выходных не будет, – добавила Марфа Кондратьевна.

Помощи нам, выжившим на войнах в Чечне, оставшимся без жилья и имущества, не полагалось. Ни государству, ни правозащитным организациям, ни меценатам не было до нас – беженцев в родной стране – никакого дела. Те, кто постарше, сдавались и умирали на улице; те, кто помоложе, хватались за любую работу.

– Твое письмо в фонде Солженицына передали именно мне, – повторила Марфа Кондратьевна. – Теперь ты во всем зависишь от меня. Тебе все равно идти некуда!

Съев скромный завтрак – овсяную кашу на воде, – Лев Арнольдович, дети и я отправились гулять в Битцевский лесопарк.

– Негоже детям целый день у телевизора и компьютера проводить, – сказала я Льву Арнольдовичу.

Он меня поддержал.

– Спасибо за суп и за кашу, Полина! – выразил признательность хозяин дома. – Мы хоть горячего поели.

Большой компанией мы вошли в заснеженный лесной массив, у которого люди отвоевали территорию, поставив на границе парка скамейки и заасфальтировав ближайшие к домам дорожки. Вдыхая аромат елей, я поднималась вверх по тропинке и, держа за руки словоохотливых Любомира и Ульяну, размышляла над тем, что Марфа Кондратьевна не отправила меня за триста километров из столицы в деревню, как планировала изначально, а все-таки пригласила в Москву.

– В лесопарке нужна зоркость, в последние годы здесь десятки трупов нашли с проломленной головой, – сообщил Лев Арнольдович, отвлекая меня от тревожных мыслей. – Говорят, битцевского маньяка поймали, но нет-нет, а люди опять натываются на трупы. По моему мнению, у нас тут орудуют совершенно разные маньяки и у них есть преданные последователи...

– Может, не стоит тогда с детьми здесь гулять? – забеспокоилась я.

– Отчего же? Днем безопасно! Смотри, какие прекрасные железные мосты впереди! Это по ночам тут нельзя бродить.

Дети, развеселившись от свежего воздуха, бегали по лесной полянке среди высоченных корабельных сосен, упирившихся макушками прямо в небеса. Христофор, не обращая внимания на мои замечания, колотил палкой брата и сестер. Любомир и Ульяна закрывали

лица руками и пытались вернуться. Неповоротливая Аксинья, накутанная в несколько кофт и рваную малиновую куртку, издавала гортанные крики, мотала головой из стороны в сторону и то и дело получала от Христофора палкой по спине. Из-за лишнего веса кареглазая девушка не могла убежать от мучителя.

– Ты непохожа на других нянек, Полина, – задумчиво произнес Лев Арнольдович, не обращая на детей никакого внимания. – У нас за последнюю четверть века десять постоянных работниц сменилось. В основном это были деревенские девицы, полуграмотные. У тебя на войне тоже нормальной школы быть не могло. Ты хоть книгу в руках держала?

– Я сама пишу, – вырвалось у меня.

– А что ты пишешь?!

– С девяти лет дневники веду. В Грозном статьи писала, работала журналистом в газетах. В институте училась только на отлично, сейчас в университет перевелась...

– А что в юные годы читала? – помрачнел Лев Арнольдович.

– Льва Толстого, Василя Быкова, Ремарка, Томаса Манна, Карлоса Кастанеду.

– На кой черт тебе это?! – раздосадованно спросил он.

– Чтобы знать.

– Такой няньки у нас еще не было...

– Самообразование – великое благо.

– В твоём случае чтение приводит к ненужным мечтам и делает человека несчастным.

– Вы так думаете?

Лев Арнольдович нахмурился и дал наставление:

– Твое дело – за детьми смотреть, дом убирать, кошкам лоток чистить, а книги – это так, блажь. Оставь это другим, кому посудьбе предписано, кто литературные институты кончал. Ты работать приехала. Работы много.

В мои обязанности также входило по утрам собирать Христофора в школу. Просыпаясь, он начинал истошно орать, визжать, плевать, стучал ногами по стене и упорно продолжал лежать.

– Показывай ему повиновение, Полина, ласково проси, – требовала Марфа Кондратьевна.

– Мы одеваем его лежа! – инструктировал Лев Арнольдович. – Ни в коем случае не возражай ему! Пусть думает, что он король. Так и есть! Надевай на него штаны и футболку, пока он лежит!

Девятилетний Христофор не скрывал удовольствия от подобного расклада, он рьяно колотил меня ногами и руками, и все, чего мне действительно хотелось, – это взять его за шиворот, отвести в ванную комнату и умыть холодной водой.

– Мы воспитываем Христофора в истинно христианском духе! – заверяла, блаженно улыбаясь, Марфа Кондратьевна, собирая сумки в дальнюю поездку.

– Идиоты! – шепнула Зулай, которой перепал от второклассника нехилый пинок. – Они вырастили наглого барчука без стыда и совести! В Чечне такого бы выпороли как следует, и этот чертенок стал бы как шелковый!

Я не могла не согласиться с землячкой, зная наши суровые традиции. Но здесь, в Москве, все было иначе.

– Ненавижу школу! – покрикивал Христофор. – Ненавижу церковь! Учителей и святош – ножиком порезать! Вжик-вжик!

– Нельзя, сыночек, Господь все видит, – добродушно увещевал сына Лев Арнольдович, лежа на раскладушке и прикрывшись «Новой газетой». – Ступай в кухню, Полина тебе чаю с молоком подаст!

– Не хочу чаю с молоком! Я хочу учителей и священников ножиком вжик-вжик! – надрывался Христофор, лежа

на диване в гостиной, пока я застегивала на нем зимнюю куртку и завязывала шапку.

– Правильно, ты – завоеватель. Ты ведешь себя как победитель! – потакал сыночку Лев Арнольдович.

Одетый и обутый, Христофор в любой момент мог отказаться идти в школу. Тогда мне следовало раздеть сорванца и снова уложить на диван рядом с другими детьми. Если он милостиво соглашался посетить занятия, родители давали ему десять рублей.

– Дай десятку! Дай десятку! – требовал он.

– Другим людям моего сына не понять! – приговаривал Лев Арнольдович. – Христофор всего добивается силой. Это правильно! Наш мир – это мир силы!

Положение складывалось безвыходное, но я не смела жаловаться. Позади меня зияла пропасть. Некуда сделать шаг: ни родных, ни близких, ни помощи от государства. Помогать нам, беженцам, или слушать наши истории никто не собирался. Чтобы выжить, мне следовало проявлять ангельское терпение и незаурядные педагогические способности.

Зулай в связи с моим приездом днем старалась передохнуть, слоняясь по улице, а Лев Арнольдович уходил к друзьям. Все дети были на мне: младшие не ходили в детский сад, а больная Аксинья постоянно мыкалась по квартире, царапалась и с громким воем требовала еду. Уговорить ее надеть ночную рубашку было невозможно – любые вещи она рвала, предпочитая оставаться голой.

В два часа дня Христофор возвращался из школы. Его сопровождала специально нанятая для этого женщина. Она сетовала, что мальчик всю дорогу обзывался и бил ее ногами.

В присутствии отца Христофор, не стесняясь, кидался на сопровождающую с кулаками:

– Не смей платить ей сто рублей, папа! Я хозяин! Я сам решу, сколько надо дать прислуге! У, дрянная старуха!

Лев Арнольдович сына не останавливал, хотя было заметно, что ему неловко от слез пожилой женщины.

– Мы гуляли в парке после уроков, – оправдывалась она. – Что же случилось?

– Скверный характер и бессовестное поведение, – не сдержалась я и, обращаясь к Христофору, потребовала: – Перестань сейчас же! Мне за тебя стыдно!

– Заткнись, чеченская рабыня! Что хочу, то и делаю, – огрызнулся мальчик, ликуя от собственной безнаказанности.

Снимая с него куртку, я несколько раз получила по рукам.

– Разве я не велел тебе шевелиться быстрее? – выпалил Христофор, а затем повернулся и крикнул сопровождающей: – А ты, старуха, мне надоела, пошла прочь, а то велю тебя высечь!

Лев Арнольдович, ссутулившись, протянул «старухе» сто рублей. Когда за ней захлопнулась входная дверь, он горько вздохнул, взял бутылку коньяка и ушел из квартиры.

Христофор с раннего детства привык повелевать прислугой – в их доме всегда жили батраки за еду.

– В моей чашке нет молока! Ну-ка добавь сахара, его вчера купили! Ты теперь моя рабыня! – покрикивал он, зашвырнув ранец с тетрадками на пианино.

Пожевав жвачку, Христофор начал крепить ее к заварному чайнику, найденному мной под газовой плитой и тщательно отдраенному. Грязная посуда накапливалась в доме со скоростью света, и едва я заканчивала ее мыть, нужно было вновь идти собирать по всем комнатам миски и чашки, одновременно подбирая пакеты

от чипсов и сухарей и обертки от леденцов. Занимаясь уборкой, я не обращала внимания на Христофора. Тогда он пожевал вторую жвачку, обмотал ее вокруг сахарницы и показал мне язык.

– Из жвачки, как из пластилина, можно смастерить что угодно! – Я взяла из пачки новую жвачку и слепила из нее улитку. На крышке чайника улитка с рожками смотрелась отлично.

Христофор недоверчиво на меня покосился, но, увидев, что я говорю совершенно серьезно, выдохнул:

– Ух ты! Класс! – и, оставив меня в покое, убежал к Любомиру и Ульяне, которые смотрели мультики.

Не останавливаясь, я скребла и чистила грязный, запущенный дом. Намывая полы в коридоре, я услышала вопли и бросилась к детям. Христофор, весело смеясь, бросал в лицо младшей сестры кошек.

– Не нужно так делать, Христофор! Это глупая и опасная игра, – сказала я.

– Я москвич, а ты никто! Вон отсюда! – сразу нашелся Христофор.

– Все меняется, Христофор. Больше ты так делать не будешь, – сказала я, отобрав кошек и выпустив их в прихожую.

– Сука! – Христофор плюнул в меня.

– Стоп, Христофор! Хватит!

– Ты – сука! Я буду делать все, что мне вздумается! – разъярился Христофор и, схватив Любомира, ударил его головой об шкаф, а затем пребольно ущипнул Ульяну. Она громко заплакала. – Я буду делать что хочу! Захочу – убью их! Вначале Ульяну задушю, а потом Любомира нарежу, – громко орал Христофор. – И мне ничего за это не будет! Я – Завоеватель!

– Мне знакомы такие люди, как ты, Христофор! Ты хочешь быть главным и делаешь другим больно. Быть злым

не значит быть сильным, в этом как раз твоя слабость, – спокойно объяснила я.

Взяв Христофора за руку, я вывела его из гостиной и закрыла дверь. Младшие опять устали в телевизор.

– Подумай над своим поведением, – посоветовала я Христофору и продолжила мыть полы.

Христофор метнулся в комнату отца и вернулся оттуда с длинной упругой хворостиной, после чего стал бесстрашно хлестать ею меня по ногам.

– Вот тебе! – возмущенно кричал он. – Получай, сука! Изобью тебя, рабыня, а потом и мелким тварям головы откручу!

Ульяна и Любомир, услышав слова брата, отпрянули от экрана и заревели.

Восторгаясь собою, Христофор горделиво потрянул каштановыми кудрями, но поскользнулся на мокром паркете и неловко упал. Было видно, что он сильно ушиб ногу и правую руку, в которой держал хворостину – она выпала из его пальцев. Лицо мальчика исказилось от боли.

– Видишь ли ты в своем падении Божественное провидение, Христофор? – вкрадчиво поинтересовалась я. – Так и будет с тобой происходить, пока не научишься быть человеком.

– Ах так?! – завизжал Христофор и, прихрамывая, заковылял в комнату отца.

Выражение его миловидного лица приобрело настолько свирепое выражение, что невольно почудилось, будто это и не ребенок вовсе, а самый настоящий монстр из гены огненной, вселившийся в тело мальчика.

– Он пошел Аксинью бить, – сквозь слезы сказала Ульяна. – Спаси ее, тетя Полина! Он сейчас ее страшно изобьет! Он всегда так делает, когда злится.

– Пойдемте к ней, – позвала я младших детей.

Ульяна и Любомир помчались вслед за Христофором в небольшую комнатку, где вместе с отцом уютилась несчастная Аксинья. Больная безмятежно дремала на матерчатом топчане рядом с раскладушкой.

Христофора трясло, он лихорадочно что-то искал. Открыв глаза, Аксинья издала рык и, заметив брата, опрометью убежала в ванную. Подняв с пола гитару в подарочном чехле – из игрушек на полчаса, – Христофор открыл одну створку окна.

– Сейчас брошу ее вниз, и гитара, которую купила мама, разобьется в щепки! – возликовал он. – Папа вернется, и я скажу, что это сделала ты, рабыня! Мало тебе не покажется! Я тебе устрою...

Любомир и Ульяна испуганно обняли друг друга. Я подошла и заглянула Христофору в глаза:

– Давай, Завоеватель, открывай окно шире! Вторую створку тоже! Живо!

Он недоуменно покосился на меня:

– Зачем это еще понадобилось?

Подойдя к письменному столу Льва Арнольдовича, я сгребла блокноты, записки и несколько книг. Положила сверху них часы и очки.

– Ты что хочешь сделать, нянька?! – в ужасе вскричал Христофор.

– Я швырну это все вслед за гитарой! А когда придет твой отец, скажу, что это твоих рук дело. Посмотрим, кому он поверит! – невозмутимо сказала я.

Мы стояли друг напротив друга, и никто не собирался уступать.

Христофор задохнулся от возмущения и захлопнул окно. Швырнув музыкальный инструмент через всю комнату, он пригрозил:

– Я закричу! Завизжу!

– А я еще громче могу! Давай на раз-два-три? – предложила я.

– Ты тварь!

– А ты, хоть и маленький, но уже подлец и лицемер!

Христофор, побагровев от злости, подбежал ко мне и замахнулся кулаком:

– Я тебе вмажу!

Я встала в стойку и ответила:

– А я дам тебе сдачи!

После этого Христофор мгновенно сник, повалился на пол и замолчал.

Я вышла из комнаты, держа за руки Любомира и Ульяну. Дети в прихожей начали меня обнимать.

– Спасибо, тетя Полина! Ты нас спасла! Ты спасла Аксинью!

Пришлось забросить уборку. Открыв «Книгу джунглей», я стала читать малышам первую главу о «лягушонке» Маугли.

Минут через сорок в гостиную постучал Христофор.

– Я больше не буду делать гадости. Можно и мне послушать, няня Полина? – спросил он.

– Добро пожаловать, Завоеватель, – позволила я.

Зулай и Марфа Кондратьевна на поезде отправились в тюрьму к объявленному террористом мужу гостыи из Чечни и его боевым товарищам. Правозащитный фонд выделил деньги на дорогу в Магадан и на подарки для осужденных.

Лев Арнольдovich, воспользовавшись отсутствием супруги, зачастил на десятый этаж к соседу Вахтангу Давидовичу – грузному лысоватому мужчине, похожему на взъерошенного барсука. Старый москвич с корнями из солнечной Грузии постоянно искал, где можно выпить, и выпрашивал деньги на издание своих виршей. Он

тщательно скрывал инвесторов даже от лучшего друга. Сколько Лев Арнольдovich ни расспрашивал, Вахтанг Давидович всегда отшучивался, опасаясь конкуренции.

Лев Арнольдovich тоже баловался стихотворчеством, правда, писал в стол. С Вахтангом Давидовичем они бутылками осушали грузинские вина и армянский коньяк, а на меня бросали детей не только Марфы Кондратьевны, но и шестерых малолетних внуков старика соседа.

– Мы с Вахтангом Давидовичем приложимся к ароматной жидкости, взалкаем божественного нектара, – загадочно бормотал Лев Арнольдovich. – А ты, Полина, убери дом и за детьми прилежно следи!

Итого детей у меня становилось девять плюс Аксинья с особенностями развития.

Дочь Вахтанга Лариса до тридцати лет не была замужем, а потом встретила афганца Халила, приехавшего в Москву за лучшей долей. Афганец отрекся от ислама, за что его на родине могли убить. Семья Ларисы слыла верующей и приняла зятя-христианина, тем более что с Вахтангом Давидовичем Халил быстро нашел общий язык через любовь к горячительным напиткам. Супруга Вахтанга Давидовича страдала мигренью и за внуками смотреть не могла. Лариса и Халил частенько пропадали на заработках, пытаясь прокормить детей, которых послал им Бог: два раза двойняшек и двух погодков. Супруги ютились в тесной квартире вместе с родителями.

– Стоим в очереди на квартиру как многодетная семья, но ничего нам не дают, – сетовала Лариса, в час ночи забирая от меня сыновей.

На рассвете раздался звонок – ожил стационарный телефон, валявшийся среди блокнотов и книг в глубине коридора. Зулай позвонила из поезда, желая меня преду-

предить: по кодексу чести на Кавказе так обязан сделать каждый, если его земляк в опасности.

– Полина, мы с тобою родом из Чечни, мой долг – защитить тебя. Никому в семье Марфы Кондратьевны не доверяй. Хозяин дома – такой же притвора, как его сын Христофор! Сама не знаю, куда от них сбежать! Мне некуда. Я боюсь потерять ребенка рядом с дьявольским Христофором!

– Ничего, не волнуйся, Зулай, за три недели, пока вас с госпожой Тюкиной не будет, я постараюсь перевоспитать его, – пообещала я.

– Не забывай гонять детей в ванную, они не приучены к чистоте, чуть зазеваешься, они уже вшивые и с глистами!

– Неужели все так плохо?!

– Да! И с родителями такая же беда. Христофор просто исчадие ада!

– Он станет лучше.

– Не верю, Полина! Это еще никому не удалось.

– Я попробую.

– И отца его попробуй исправь. Христофор берет с него пример...

В трубке слышался стук колес, проникавший в наш разговор, но едва в него вклинился вопросительный возглас Марфы Кондратьевны, как Зулай испуганно замолчала и отключилась.

Оторвав Ульяну и Любомира от телевизора, я показала им букварь, и за пару дней мы выучили названия некоторых зверей и птиц. Дети совершенно не были подготовлены к поступлению в первый класс.

После обеда, во время которого, за неимением других продуктов, подавалась гречка, посыпанная сахаром, я украдкой делала записи в тетрадь.

«Привет, Дневник!

Я попала в удивительное место, где обитают то ли блаженные, то ли другие ментально люди. Они не признают порядок, живут в хаосе и, похоже, счастливы. Мне хочется верить, что хозяйка дома – Марфа Кондратьевна – не обманет нас с мамой и поможет переехать в Москву. В селе Бутылино, где мама ютится в коммуналке без удобств, не прекращаются угрозы. Маме не прощаются рассказы о чеченской войне и погибших мирных жителях.

Лев Арнольдович рассказал, что пенсии и пособия на детей в столице в несколько раз больше, чем на периферии, главное – московская прописка. Поэтому у него и у Марфы Кондратьевны есть время заниматься правозащитной деятельностью и официально нигде не работать. Его супруге принадлежат три квартиры в столице, две из которых она сдает, а в одной они живут и принимают гостей с Кавказа.

Мама в администрации Бутылина предупредила, что уедет в Москву. Ей заранее отключили электричество, воду и газ. Холода в этом году обещают в ее краях суровые, а все коммуникации перекрывают минимум на три месяца. Маме пришлось подписать добровольное согласие.

Также мама продала шифоньер и кровать, чтобы накопить деньги на билет до Москвы. Она спит на полу, мерзнет и ждет сигнала отправляться в путь. Полина».

Вечером Лев Арнольдович, удобно устроившись на раскладушке, читал «Новую газету» и пил коньяк через яркую соломинку синего цвета. Аксинью он запер в кладовке: она рычала, и были опасения, что изобьет детей.

Ульяна и Любомир вместе с сыновьями Ларисы сидели вокруг меня в гостиной; я штопала дырявые носки, найденные в корзине для грязного белья, и рассказывала де-

тям сказки Шарля Перро. Повезло, что я захватила с собой в поездку иглу и нитки, – в доме Марфы Кондратьевны подобного инвентаря не держали.

Дети спрашивали меня про Кота в сапогах, как сложилась его дальнейшая судьба, нашел ли он пушистую даму сердца, родились ли у них умненькие котятки, и мне приходилось фантазировать, дополняя старую сказку новыми персонажами.

В какой-то момент к нам присоединился Христофор, слонявшийся без дела по квартире. Христофор создавал имидж бродяги: он был босой, в поношенных трусах и истасканной водолазке со свисающими, как у Арлекина, вытянутыми рукавами. С собою Христофор принес черный кожаный кошелек и, исполнив перед нами победный танец дикаря, демонстративно высыпал на паркет звонкие медно-никелевые монетки и бумажные десятки, а затем с нарочито хитрой усмешкой стал набивать ими свои трусы.

Прервав сказку, я спросила:

– Христофор, скажи, пожалуйста, чей это кошелек?

На что получила весьма ожидаемый ответ:

– Это все кругом мое!

Отложив штопку и взяв выпотрошенный кошелек с дивана, я отправилась ко Льву Арнольдovichу. Хозяин дома отложил «Новую газету», отодвинул бутылку и внимательно выслушал меня, щурясь сквозь очки.

– Кошелек с деньгами принадлежит Христофору, – подтвердил он.

Вернувшись в гостиную, я сказала:

– Христофор, это твоя вещь. Я недавно приехала в ваш дом, поэтому ты извини, что я спросила у твоего отца. Но так положено.

Христофор на мои слова загадочно улыбнулся.

– Пора ужинать, – сказала я.

На кухню за мною отправились малолетние дети Ларисы, Ульяна и Любомир. Христофор ужинать отказался. Я сварила овсяную кашу, потерла каждому ребенку в тарелку по кусочку яблока и положила ложку вишневого джема. Едва дети приступили к ужину, как Христофор, заскочив через дыру к нам, заявил:

– Отдай мои деньги, воровка!

Малыши Ларисы сползли под стол, опасаясь, что забияка начнет их бить, за ними спрятались Ульяна и Любомир, а я внимательно посмотрела на Христофора, и мы с ним оба поняли, как беззастенчиво и нагло он лжет.

– Поищи получше, – обронила я, вытаскивая из-под стола Любомира и соседских малышей.

– Христофор всегда врет! – Ульяна заплакала и отказалась вылезать из укрытия. – И дерется! Я боюсь его! Я буду сидеть под столом!

– Воровка-рабыня! Воровка! – повторял Христофор и вдруг взвизгнул: – Она украла мои сорок рублей!

На всякий случай я осмотрелась, вдруг он случайно обронил деньги, но их нигде не было.

Ситуация выглядела абсурдной. Людям свойственно поступать гадко, когда они хотят кого-то оговорить. Сколько подлецов я на этом ловила. И русских, и чеченцев. Но они были взрослыми, добровольно продавшими душу дьяволу, а сейчас передо мной стоял ребенок! Есть народное поверье, что до семи лет все дети – ангелы. Христофору исполнилось девять.

С каждой минутой он все больше вживался в роль: воинственно метался по кухне, хватал себя за волосы, в отчаянии заламывал руки и декламировал с исступлением императора Нерона:

– Отдай мою собственность, злодейка! Ты презренная рабыня и заслуживаешь жестокой казни! Велю тебя прибить к кресту и сжечь!

Христофор усердно делал вид, что пытается найти похищенное: заглядывал под деревянные лавки и под стол, где прятались перепуганные малыши, шарил поварешкой под плитой и перевернул ногой кошачью миску. И чем громче звучал его голос, тем пуще ему чудилось, что изначальная шалость перерастает в грандиозный несокрушимый подлог. Каждый вопль все глубже погружал Христофора в дьявольские сети.

– Omnia mea tecum porto, – спокойно сказала я.

– Чего?! – вытаращил глаза Христофор.

– Все мое ношу с собой. Это латынь. Высказывание Цицерона. Знания намного ценней, чем деньги. Советую тебе учиться мудрости, а не совершенствоваться в лже-свидетельстве.

– Я скажу папе, что ты взяла мой кошелек! – промямлил на это он.

– Папа тебе не поверит! – сказала я.

– Это еще почему? – удивился Христофор. Его высокий изящный лоб покрылся морщинками. Христофор почти до крови закусил верхнюю губу, но потерявший совесть так просто не оставляет своего темного дела, поэтому, довольно хмыкнув, он беспечно расправил плечи и вздернул нос: – Поверит! Ведь я его сын!

– Я была рядом с твоим отцом и спрашивала, кому в семье принадлежит кошелек, как раз в тот момент, когда ты пересчитывал деньги. Ты ведь сказал, что там было сорок рублей. Откуда ты узнал точную сумму? – спросила я.

– Ты всегда врешь, Христофор! – раздался дрожащий голос Любомира.

Задумчиво поковыряв в носу, Христофор с досадой вынужден был признать:

– Да, папа может не поверить... – и, словно ловкий иллюзионист, вытащил бумажные деньги из рукава водолазки. Бросив их на подоконник, он громко вскричал:

– Вот они! Смотрите! Мои денежки! Она украла их, воровка-рабыня! А теперь испугалась и подбросила обратно!

Я ответила Христофору:

– Ты ведешь себя как изворотливый лжец! И я расскажу об этом твоему отцу.

– Попробуй, рискни! – хвастливо заявил Христофор, уверенный, что ему опять ничего не будет.

Христофор – любимый сын, а я – незваная гостья, приехавшая работать нянькой в чужом доме, но я предпочла сразу расставить все точки над «и». «Если мальчик продолжит в том же духе, то в недалеком будущем их семью ожидает нешуточный кошмар», – подумалось мне.

Лев Арнольдovich продолжал лежать на раскладушке и смотреть в потолок. «Новую газету» на полу с азартом терзали Мяо Цзэдун и Мата Хари, а котенок Чубайс играл с пустой бутылкой из-под коньяка, энергично вращая ее вокруг оси.

Пока я разговаривала со Львом Арнольдovichем, Христофор, забежав следом, высунул язык и показал мне средний палец на обеих руках одновременно. Аксинья, выбравшаяся из кладовки, свернулась на топчане слева от раскладушки и внимательно прислушивалась.

Лев Арнольдovich наконец взглянул на сына. Христофор ждал этого момента. Он принял позу, обиженно взвизгнул, а потом демонстративно затопал ногами.

– Рабыня врет! – презрительно выдохнул он. – Что взять с жалких, презренных рабов! Сколько ни оказывай им милости, они всегда предадут господина. Эта приживалка из Грозного у нас не задержится! Папа, выгони ее немедленно! Я приказываю!

– Почему ты людей называешь рабами? – скучающим голосом спросил отец.

– Я завоеватель мира – значит, все, кто на моей территории, принадлежат мне, как индейцы Северной Америки

своим завоевателям... – охотно объяснил Христофор. – Хочу – милую, хочу – об скалу головой!

– Значит, как только ты понял, что твоя гнилая затея провалилась, ты сразу вытащил деньги из рукава?! – неожиданно разозлился Лев Арнольдович, вскочив на ноги идохнув на нас алкогольными парами.

– Я верующий христианин! Я православный! – возразил на это Христофор. – Невежественная рабыня все врет!

– Ну-ка неси Библию, – потребовала я.

– Зачем это? – Глазки Христофора плутовато забегали.

– Сейчас ты положишь на нее правую руку и скажешь, что я воровка и взяла твои деньги.

От неожиданности предложения Христофором овладел панический страх.

– Неси-ка Библию, сынок, – повторил за мной Лев Арнольдович. – Она лежит у иконостаса в гостиной.

– Нет! – Христофор резко отшатнулся от нас.

– Почему вдруг «нет»?! – раздраженно спросил отец. – Ты прочитаешь молитву, как в церкви, положишь руку на Библию и скажешь, что говоришь правду, а Полина лжет.

– А что мне за это будет? – Христофор побледнел.

– Если ты солжешь на Священной книге, то Бог покарает тебя. Бог все видит. Он отправляет грешников после смерти в ад, где их ждут черти. А некоторыми особо отличившимися мерзавцами черти занимаются уже при жизни, – поучительно сказала я.

– Меня – в ад?! Черти ждут?! – Христофор судорожно вздохнул.

– Сейчас же пошел и принес Библию! – потребовал отец.

– Папенька, миленький, я больше не буду... – жалобно заскулил Христофор.

– Неси Библию! Я приказываю! – грозно повторил Лев Арнольдович.

– Клясться на Библии – грех! – заплакал Христофор.

– А оговаривать людей – не грех?! – вкрадчиво спросила я. На это он промолчал.

– Немедленно извинись за свое поведение перед Полиной, – приказал Лев Арнольдович, подбирая газетные клочки с пола.

– Извиняться перед рабы... перед прислугой?! Перед нянькой?! За шутку?! Это была шутка! Ты, папенька, что, совсем дурак?! А если я маменьке пожалуюсь?! Я что хочу, то и делаю! – вернулся к изначальной позиции Христофор.

– А с другой няней не ты ли пошутил? – насупился отец, словно догадавшись о чем-то.

Христофор глянул на нас исподлобья, затаившись, словно маленький дракон, готовый в любой момент ринуться в атаку.

– Твои деньги мы отнесем в милицию! – строго сказал я Христофору. – В милиции есть специальный аппарат, с помощью которого можно легко узнать, чьи на них отпечатки пальцев. Моих отпечатков там не будет! Что ты тогда скажешь?! Перед Богом ты уже опозорился. Как поступишь перед людьми?

Лицо Христофора, его шея и руки покрылись багровыми пятнами.

– Я... я... скажу в милиции, что пошутил, – выдавил он.

Льву Арнольдовичу все стало окончательно ясно: его сын ко всему оказался еще и неисправимым лгуном.

Мои глаза невольно наполнились слезами. Он сумел меня оскорбить, этот мальчик. Взять чужое для меня – табу. Даже умирая от голода в войну, я всегда учила людей чести, порядочности и была примером. На мои всхлипы из кухни сквозь дыру в двери просочились Любомир, Ульяна и дети Ларисы. Набравшись храбрости, они стали меня защищать:

– Полина ничего у него не брала! Христофор издевается! Он злой! Плохой!

Лев Арнольдович приподнял Христофора за шиворот и отвесил ему при всех чувствительную оплеуху, а затем бросил на раскладушку со словами:

– Немедленно спать! Чтобы голоса твоего я больше сегодня не слышал, никчемный аферист!

Мы с детьми вернулись в кухню, чтобы доесть кашу; последним примчался Любомир:

– Папа отобрал у Христофора деньги и выбросил их в окно!

В комнате отца Христофор закатил истерику и, судя по раздавшимся хлопкам, заработал несколько приличных шлепков, потому что быстро затих.

Я отдала детей пришедшей с работы Ларисе и уложила спать Любомира и Ульяну в гостиной на диване.

На шкафу под потолком было душно, но от лоджии тянуло холодом. Задремать удалось только к утру: вспоминалась война. Проснулась я оттого, что кто-то легонько дергал дубленку, которая служила мне одеялом. Глянув на наручные часы, я поняла, что сейчас половина пятого утра.

– Полина! Полина! – шептал в темноте встревоженный голос.

– Кто это?! – спросила я.

– Христофор!

– Что тебе нужно?!

– Желательно прямо сейчас прокрасться на улицу и достать из сугроба деньги! – миролюбиво попросил он, балансируя на лестнице у шкафа.

– Какие деньги?!

– Те самые денежки, которые папа вчера выбросил из окна! Сорок рублей плюс монетки... Я не просто так предлагаю вам спуститься со мной во двор... – неужи-

данно Христофор перешел на «вы». – Деньги мы разделим! Вам – пятьдесят процентов и мне – пятьдесят!

– То есть ты после всего случившегося хочешь взять меня в компаньоны? И все ради денег? – спросила я.

– Чего ради них не сделаешь! Это же денежки! Если их много, то можно купить шхуну с парусами и уплыть в морские просторы... – рассудительно заметил Христофор.

– За деньги ни дружбы, ни любви не купить. А загубить душу можно одним некрасивым поступком. – Я решила, что момент для нотации выбран удачно.

– Но ведь мы...

– Пираты? – догадалась я.

– Именно! – возликовал Христофор. – Пираты! Только тсс! Это страшная тайна. Никто не знает, что я настоящий морской разбойник. По кодексу пиратов я должен всегда оставаться безжалостным и беспощадным. Приходится брать людей в рабство и распоряжаться их судьбами. Мне и самому тяжело, но ничего не поделаешь.

– Ну-ну! Так уж и быть, я открою тебе великую тайну, морской брат, – прошептала я, свесившись со шкафа.

– Тайну?! – Христофор наострил уши.

– Только никому не говори!

– Ясное дело.

– Поклянись!

– Даю слово пирата, безжалостного завоевателя Христофора. Под страхом пыток и смерти я не выдам доверенный мне секрет. Если я нарушу слово, то по кодексу пиратов мне крышка! – торжественно пообещал Христофор.

– Я – абрек.

– Э-э-э... абрек?!

– Абрек – это как пират, только он живет среди гор. Абрек рождается в краю высоких башен, там, где бурлят чистые реки. Первые звуки, которые слышит ново-

рожденный абрек, – выстрелы: это отец стреляет из ружья в воздух, чтобы отпугнуть злых духов. Горные духи схожи с мелкими бесами, они любят наводить мороку на людей и боятся хлопков. Первой игрушкой абрека становится булатный кинжал. – Я нашарила под матрасом свой кинжал и показала Христофору.

– Пиратский нож! – восхищенно выдохнул Христофор и, подпрыгнув, едва не свалился с лестницы.

– Оружие из рук не выпускай и другим его никогда не доверяй. От детей и слабых – прячь. Твой удел – их защищать. Никогда не нападай первым, а станешь бороться с несправедливостью – борись до смерти. Если найдешь верного храброго друга – подари ему свой кинжал.

– Я запомню! – прошептал Христофор и дважды повторил мою последнюю фразу вслух.

– Жизнь тех, кто рожден в краю вершин, опасна, но знай, мы не отступаем даже перед сотней врагов. Город Грозный, где я родилась, раньше был боевой крепостью. В наших краях случались такие сражения, о которых можно рассказывать целую вечность. Поэтому в схватке со мной ты все равно проиграешь!

– Ух ты! Класс! – продолжал восхищаться Христофор. – В нашем доме всего два пирата: я и папа. Но, конечно, я главней и круче. А про абреков у нас никто даже не слышал!

– То-то же!

– Так вот почему из моего жульничества ничего не вышло... – Он задумался.

– И не выйдет, только беду на себя накличешь. Понятно?

– Понятно, – вздохнул Христофор. – Деньги-то мы пойдем на улицу собирать?

– Нет! И топай отсюда. Не мешай спать! – ответила я, спрятав кинжал и переворачиваясь на другой бок, чтобы

дубленка расправилась, как одеяло, и добавила: – Раньше надо было думать!

– Слушаюсь, абрек Полина.

Христофор слез с лестницы и неслышно ушел в комнату отца.

Приготовив на обед макароны с сыром, чему Лев Арнольдович долго умилялся, я и дети отправились на прогулку. Денег в сугробе к тому времени не оказалось.

– Дворники-таджики их нашли и наверняка купили себе чебуреки! – Христофор загрустил.

Рабочие-мигранты сновали по двору с лопатами и разгребали снежные завалы.

– Я не знал, что макароны можно есть с сыром! – без конца восклицал Лев Арнольдович.

– Мы в Грозном ели, когда нам везло. Под бомбежками трудно было найти даже прогорклую, заплесневелую муку для лепешек, и мы топили снег, чтобы пить, – ответила я.

– Быстро и вкусно! Просто в приготовлении! Недорого! – продолжал ахать от восхищения Лев Арнольдович. – Отварил пачку макарон, положил кусочек сливочного масла, натер сверху твердого сыра, и все! Горячая еда! Марфа Кондратьевна нас так не кормит, пирожки жареные приносит из ларька, а от них изжога и живот болит.

– До меня вы ни супы, ни каши, ни рыбу с гарниром не ели? – уточнила я.

– Едал я такое в молодости, четверть века назад, у другой жены. У Марфы Кондратьевны не забалуешь, радуется иногда пиццей с грибами. Другие няньки тоже ограничивались жареной картошкой и сосисками... Ты, Поля, и суп, и кашу, и макароны умеешь готовить! Ты ценный кадр! Ценный! – убежденно произнес Лев Арнольдович.

Христофор на меня хитровато посматривал и заискивающе улыбался: он-то знал, кто я на самом деле.

После прогулки мы с детьми смотрели «Пиратов Карибского моря». Когда капитан Джек Воробей угнал военный корабль, Христофор от радости захлопал в ладоши и закричал: «Ура-а-а!».

– Умеешь фехтовать? – спросила я.

– Нет, – признался Завоеватель.

– Как же так? Все пираты умеют!

– Он только нас колотит палкой и бьет хворостиной! – пожаловалась на брата Ульяна.

– А кто меня научит фехтовать? – тоскливо протянул Христофор.

– Мы сами научимся.

От такого предложения глаза Христофора засверкали.

– Но шпаг-то нет! – напомнила Ульяна.

Ульяна и Любомир строили крепость из пластмассовых кубиков, которые я заранее отмыла от паутины и высыпала на чистый паркет.

– Для начала мы научимся сражаться плюшевыми игрушками! – нашлась я.

Дети захохотали.

– Игрушками можно сражаться? Как в компьютере? – догадался Любомир.

– Тащите крокодилов, мишек и удава! – распорядилась я. – Диван будет нашей «Черной жемчужиной», а сражаться мы будем в центре зала.

– Да-а-а! – Дети бросились искать разбросанных по всему дому плюшевых зверей.

Завязалась нешуточная битва между пиратами и военно-морскими силами королевского флота. Христофор преобразился. Скакали и веселились мы часа четыре, пока не свалились от усталости. Христофор, засыпая на диване рядом с Ульяной и Любомиром, благодарно произнес:

– Никто с нами не играл так! Никогда! Вы мне очень-очень нравитесь, абрек Полина!

Ключи к сердцу сорванца были найдены.

Мне шел двадцать второй год, и такими могли быть мои собственные дети. В военное время в Чечне старейшины разрешили ранние браки, и если бы меня выдали замуж, как планировали, в тринадцать-четырнадцать лет, то сейчас мои сын и дочь могли быть ровесниками Ульяны и Любомира.

Лежа на шкафу, я читала им свои стихи:

Я большой серый волк,
Я зубами щелк да щелк.
Поворую всех ягнят,
Доберусь до поросят...

А от Красной Шапочки
Оставлю только тапочки!
Ведь давно известно всем,
Что я тапочки не ем.

– Еще! Еще! – просили дети.

Во дворе у псины рыжей
Родились щенки.
Никогда их не обижу,
Покормлю с руки...

Этот, самый белолобый,
Пусть он будет мой!
Если мама мне позволит,
Заберу домой!

Научу командам разным:
Сесть! Идти! Лежать!
Будет рядом он со мною
Весело бежать.

– Мы нарисуем вам щенка, тетя Полина, – пообещал Любомир, проваливаясь в мир сновидений.

Лампадка, зажженная Львом Арнольдовичем у икон, мерцала, озаряя нашу комнату. Разглядывая заснувших детей, я чувствовала, будто вместе с суматохой, огорчениями, тяжелым, почти непосильным трудом из ломбарда войны ко мне возвращается утраченная юность. Кровавая бойня под свинцовым небом, которая прокручивалась, словно вал пианолы, внутри моего сознания, безропотно замирала от детских взглядов и голосов. Стихала музыка грозových раскатов, и кошмары, извлекаемые из глубин памяти, бессильно меркли. Мародеры, преступники, доносчики и убийцы бледнели на палитре нового дня, рядом с детьми.

Я разучилась верить людям, забыла, что такое настоящая дружба. Бескорыстную любовь дарят только дети. Детство – время правды. В детстве ненавидят – искренне, любя – жертвуют собой. Окунуться в мир детства стало для меня бесценным подарком, целительным эликсиром. «В войну несколько месяцев пришлось спать на снегу, я промерзала до костей, и кто знает, дано ли мне после этого стать матерью, а им я сейчас нужна», – думалось мне.

Ежедневно мы с Христофором фехтовали, пересматривали приключенческие фильмы, говорили о волшебных картах и несметных сокровищах. Христофор смастерил шпагу из длинной ручки от железного совка и прыгал с трехногой табуретки на ветхое кресло. Он бойко горланил песни и сражался, как настоящий пират. Несмотря на то что мальчик был в перчатках, он иногда пропускал удар, и моя шпага попадала ему по рукам, но он не жаловался.

– Я морской разбойник! – важничал он.

Соорудив ракетки из твердых резиновых тапочек желтого цвета, которые привезла с собой, я придумала игру в настольный теннис. Мячик летал пулей между игроками. Играли по очереди: я и Христофор, Ульяна и Любомир. Христофор несказанно гордился победами.

Ульяна и Любомир были послушными детьми, они по первому зову шли есть, спать и гулять. Проблемы возникали только с дерзким Христофором, желавшим подчинить себе мир. Аксињья училась дружить по-своему. Она брала меня за руку, мотала головой из стороны в сторону и тоненько, протяжно мычала. Так она просила добавку к завтраку: блин с вареньем или немного зубной пасты – полакомиться. Мой шампунь она выпила залпом, сбив ногой навесной замок со шкафчика в прихожей, но ничего плохого с ней не произошло. Аксињья выглядела довольной, гладила себя по животу, урчала и закатывала глаза, показывая, как было вкусно.

– Она с младых лет жует порошок, ест зубные пасты! – рассказал Лев Арнольдovich. – Мы ей не даем специально, но если случайно отведаст, беды нет. Это для нее как десерт!

Лев Арнольдovich верил, что Аксињью может излечить магия, и специально возил ее к шаману по имени Потап.

– Потап сказал, что ему нужно время. Обычная медицина тут бессильна.

– Вы верите в магию? – поразилась я.

– Полина, а что будет, когда я помру? – скорбно вздыхал Лев Арнольдovich. – Марфа Кондратьевна моментально сдаст Аксињью в психбольницу! Это ведь я в свое время не разрешил ей. Скандалы у нас были страшные, до драки доходило... Марфа с дочерью не справляется, не смотрит за ней. А в сумасшедшем доме больных зверски избивают! Насилуют! Нет! Нельзя ее туда отдавать!

– Нельзя! – согласно кивали я, Ульяна, Любомир и Христофор.

Лев Арнольдович, излив нам душу, брал бутылку крепкого алкоголя и шел на десятый этаж к поэту Вахтангу Давидовичу.

Уложив детей спать, я читала книгу Ирис Юханссон «Особое детство» о восприятии ребенком-аутистом нашей реальности. Лев Арнольдович объяснял поведение больной дочери тем, что Аксинья ментально находится в параллельной вселенной и видит человеческие слова и звуки в виде клякс-чудовищ.

На основе этой теории я придумала показывать Аксинье за обедом и ужином разноцветные карточки. Если она хотела добавки, то чаще всего выбирала зеленую карточку, если отказывалась от прогулки, то красную. Желтая карточка означала, что она хочет послушать классическую музыку, чаще всего Шопена, а голубая – прогулку к роднику. Коричневая карточка означала гнев. Показав на нее, Аксинья немедля могла плюнуть или ударить того, кто находился рядом. Заметив, что она тянется к коричневой карточке, дети прятались, а мы со Львом Арнольдовичем держали оборону.

За первые десять дней мне удалось приучить Ульяну и Любомира обходиться без памперсов. Я вставала посреди ночи и водила их в уборную. При первых позывах дети пачкали штаны, потому что не знали жизни без памперса. Но затем начали проситься в туалет и бегать туда самостоятельно. Еще причиной для гордости было их старательное и быстрое обучение пользоваться ложкой, а не хватать руками картофель из супа.

В двадцатых числах декабря прибыли гости из Израиля: двоюродный брат Льва Арнольдовича, Абрам Моисеевич,

и его миниатюрная большеглазая супруга Рахиль. Абрам Моисеевич был старше Льва Арнольдовича на три года, а Рахиль, разменявшая четвертый десяток, выглядела юной женщиной благодаря изящности и очаровательной улыбке.

– Мы вместе двадцать лет. У нас трое детей! Счастливый брак, благословенный Богом! – хвалился Абрам Моисеевич.

– Израиль – наша обитель! Израиль – наша опора! – с энтузиазмом восклицала Рахиль.

Передо мной оказались самые настоящие евреи, в первые же минуты знакомства сообщившие, что Марфу Кондратьевну родные и друзья называют исключительно Тюка – производное от фамилии – и что в ее доме всегда было голодно и грязно.

– Детей Тюка воспитывать не умеет, она их не кормит и не лечит. Мы привезли с собой лекарство от вшей. Обработай их, пожалуйста. И напиши список, что нужно из продуктов. С детьми у нас вся надежда на нянь и гостей, – сказала мне Рахиль.

– На Тюку, Полина, внимания не обращай, какую бы пургу она ни гнала. Ей на других наплевать, она любит использовать людей и кидать их, – поделился со мной Абрам Моисеевич.

– Она же правозащитница, в Европе про Чечню рассказывает... – растерялась я.

– Она по-английски ни бельмеса, с переводчиком еле-еле мямлит, пересказывает с умным видом то, что от таких бедолаг, как ты, наслушается, – пояснил Абрам Моисеевич.

Из Израиля гости привезли сладости и древние талисманы – хамсу – оберегающие от сглаза ладони.

– Это Божья ладонь! Приложись к ней! – Абрам Моисеевич засунул один из амулетов в нагрудный карман на рубашке брата.

Абрам Моисеевич и Рахиль держались от семейства Тюки на расстоянии, предпочитая только ночевать в их доме. Постельное белье они предусмотрительно прятали у Ларисы.

– Не хотим, чтобы дети запачкали, – признались супруги. – А с Ларисой мы давно дружим! Ей в подарок привезли гранатовое вино! Вкуснее его не отыскать!

В предновогодней суете незаметно для остальных появилась в квартире четырнадцатилетняя Глафира. Она была второй по старшинству дочерью в семействе и приехала на новогодние каникулы. Внешне девочка походила на Марфу Кондратьевну – сутулая, с узким бледным личиком, длинными волосами и грустными темными глазами.

– Меня родители услали в интернат, я им здесь мешаю, – скорбно глядя в пол при знакомстве со мной, сказала Глафира.

Моя смена заканчивалась около двух часов ночи, после чего я могла украдкой, при свете фонарика почитать поэзию узников ГУЛАГа, так как электричество правозащитники экономили и не разрешали включать.

Утром я звонила матери. Односельчане украли и съели ее кошку.

– У тебя все в порядке? Ты пришлешь мне деньги? – сквозь слезы спросила она.

– Постараюсь. Как только мне заплатят, – заверила я мать.

Но платить мне никто не спешил. Меня занимали мысли: сколько Марфа Кондратьевна собирается заплатить за три недели круглосуточной работы? На мне дети, уборка, готовка, кошки. Смогу я помочь матери? Оплатить часть кредита, нависшего как снежный ком? Мама перед отъездом в Москву раздавала питомцев: собак

и кошек. Она надеялась, что в зажиточных семьях их не съедят. Бомжи в селах голодали и потому промышляли ловом бездомных животных.

– Алкаши убили и съели Барбоса, – сообщила она.

Это была собака ее соседки – бабки Алисы.

– За гаражами утром обнаружила потухший костер и его шкуру, – всхлипывала мама.

– Он на днях мне снился! Будто сидит на ветвях зеленого дерева, словно птица, – сказала я.

– Марфа Кондратьевна не подведет? У меня в комнате так холодно, что пар изо рта. Я отключила газ, свет, воду, это положено по закону, если хочешь уехать. Когда мне брать билет до Москвы?

– Марфа Кондратьевна пообещала, что снимет нам жилье сразу по возвращении, – передала я маме слова благодетельницы.

Марфа Кондратьевна и Зулай вернулись из Магадана поздно ночью. Следом за ними явились очередные гости с бутылкой и составили компанию еврейским родственникам, зажигательно распивавшим в кухне вино.

Спальное место на шкафу оказалось занято, и мне бросили матрац на пол рядом с кошачьим лотком.

– Здесь ночуй, – велела хозяйка дома.

Утром, разгребая горы посуды под пристальным взглядом Марфы Кондратьевны, сидевшей на лавке, я попыталась заговорить о войне.

– Все народы Чеченской республики пострадали! Нужно добраться до «Новой газеты», может быть, в память о госпоже Политковской, из уважения к ее труду они опубликуют фрагмент моего чеченского дневника. Тогда люди узнают, что происходило с мирными жителями во время войны.

– Ни «Новой газете», ни кому бы то ни было из правозащитного мира твои дневники не нужны! В газете свое

мнение о войне напишут и успешно его обналичат, – отчеканила правозащитница. И, вздохнув, прибавила: – Я лично знала Анну. Тексты Политковской печатали крайне неохотно, мотали ей нервы, издевались. Она с трудом пробивалась в родной редакции.

– Под бомбами в Грозном первыми погибли русские старики, а потом чеченские дети в горных селах. Советская Чечня была многонациональной республикой! Война – общая трагедия. Погибли люди разных национальностей!

– А кто там пострадал, если не чеченцы? – осторожно спросила Марфа Кондратьевна.

– Все народы, которые там проживали! В Грозном проживало более трехсот тысяч русских до Первой войны и во время нее. А сколько татар, украинцев, цыган, кумыков, ингушей...

От моих слов правозащитница закашлялась и возмущенно хлопнула себя по коленке рукой. Ее черная юбка негодуяще взметнулась, как крылья вороны.

– На такие заявления никаких грантов не будет! – раздосадованно вскричала она.

– Пострадали все народы Чечни, – спокойно повторила я.

– Да как ты смеешь?! Что ты вообще об этом знаешь?! Все знают только правозащитники!

– Я там двадцать лет прожила, десять из которых вела дневник и собирала истории разных людей, – напомнила я.

– Правозащитники знают лучше! – не сдавалась Марфа Кондратьевна.

– Будучи журналистом, я узнала историю, как чеченка, выдававшая себя в Грозном за правозащитницу, обманом забирала квартиры у выживших украинцев, русских, армян, у тех, кто пережил бойню после Первой войны, когда бандиты вырезали людей кварталами, объявив

нечеченцев вне закона! Сверху на нас щедро падали русские бомбы! Мир несправедлив. Отпрыски той аферистки уехали в Норвегию как политические беженцы, они якобы пострадали от войны, а сама она захватывала квартиры вместе с имуществом целыми этажами!

– Не желаю слушать, – холодно оборвала меня Марфа Кондратьевна. – Разговоры подобного рода меня утомляют. У нас тоже были теракты: «Норд-Ост», Беслан, Буйновск...

– Конечно, были. И я сочувствую людям. Но никто не желает слушать, как мы жили десять лет в сердцевице ада, как на наши дома сбрасывали ракеты. Справедливость в том, чтобы преступления назвать преступлениями и защитить мирных людей – словом и делом.

– Гранты из США и Европы предназначены для защиты чеченцев, отстаивающих независимость Ичкерии, остальным просто не повезло, – завершая разговор, Марфа Кондратьевна примирительно зевнула.

Она удалилась в кабинет, а хозяин дома, показавшись из своей комнаты, попросил налить ему чаю. Кошки рядом с ним драли наволочку на полу, забиваясь в нее, как в мешок, и катая друг друга.

Постельное белье до моего приезда не стиралось месяцами, а сейчас, выстиранное, оно сваливалось в кучу вместе с подушками, одеялами и пледами. Вечером каждый из гостей и обитателей квартирки вытягивал оттуда что-то наудачу.

Обеды и ужины я готовила на электрической плите. В Грозном все варочные плиты были газовыми. Так было и в Ставрополе. В некоторых деревнях до сих пор топили печи дровами...

– Москва – особенный город, – охотно пояснил Лев Арнольдович. – Люди на периферии живут в нищете, а здесь власти нам плиты поменяли, поэтому дома не взрываются.

Сколько людей из-за аварий с газовыми плитами каждый год гибнет по стране, никто не считает, но, думаю, не меньше, чем на войнах.

– Почему все так несправедливо? – расстроено спросила я.

– Все равны, но некоторые «равнее», – сказал Лев Арнольдович. – В Москве другие пенсии, пособия, зарплаты. Московская прописка – залог успеха. Москва – государство в государстве. Кстати, здесь полно нелегалов и бомжей. Им в жизни не посчастливилось, прописка осталась для них мечтой! Костями динозавров завалены обе столицы – это те, кто не смог вскарабкаться на пьедестал успеха...

– Пожалуйста, купите продукты. Холодильник совсем пустой.

– Попрошу деньги у Марфы Кондратьевны, – пообещал Лев Арнольдович. – Детскими пособиями заведует она.

Я решила повторить сказанное о войне и посмотреть на его реакцию. Лев Арнольдович меня выслушал.

– Марфа Кондратьевна остро реагирует, если правозащитников ругают. Она знает послов Франции и Норвегии. Обедает с ними. Деньги ей иногда дают, гранты – по-научному, – взяв у меня из рук чашку, сказал он.

– Гранты? За что? – поинтересовалась я.

– Ну, она о чеченской войне рассказывает...

– Рассказывает, что гостила в Грозном?

– Пару дней в начале Первой чеченской, затем во Вторую войну наведывалась на недельку...

– Значит, она ничего на самом деле не видела и не знает.

– Знает – не знает, для протекции главное – имя и связи. Я и сам миротворец, приезжал туда с камерой, снимал как-то обстрел города.

– Марфа Кондратьевна обещала помочь издать дневники о войне. Все, ради чего я выжила, – тетрадки, написанные под бомбами, – напомнила я.

– На это, Полина, даже не надейся, она своими делами занята, – отрезал он. – Смотри за детьми!

За ужином Марфа Кондратьевна сообщила, что по дороге из Магадана заскочила к Ирису Тосмахину, признанному в правозащитных кругах политзаключенным.

– Ирис сидит в тюрьме за идиотические высказывания, – поделилась она.

– То есть он не совершал уголовного преступления? – Рахиль изумленно подняла брови.

– Ирис Тосмахин – богохульник и нес околесицу, – ввела нас в курс дела Марфа Кондратьевна.

– Вы ему помогаете? – уточнила я, подкладывая в тарелки детям и гостям запеченный картофель.

– Да! Статьи про него пишу, – отмахнулась Марфа Кондратьевна. – Ему это, конечно, никак не поможет, но я же отвечаю за права человека.

– За что его все-таки посадили? – поинтересовался Абрам Моисеевич, оглядываясь, чем бы опохмелиться.

– Он не исключал того, что теракты могут быть оправданны, а еще хотел Мавзолей Ленина на Красной площади взорвать! – Лицо правозащитницы приняло свирепое выражение.

– И в чем насчет Ленина – богохульство?! – пошутил Лев Арнольдович.

– К мощам следует относиться с почтением! – растолковала Марфа Кондратьевна. – Православные мы али кто? Этот богохульник хотел взорвать Мавзолей; хватит, говорит, на Руси идолов и коммунизма. Я его мнения не разделяю, а статьи про него пишу только по доброте душевной.

– В тюрьму ты зачем к нему ездила, Тюка? – рассмеялся Лев Арнольдович.

– Он тайно передал письмо. Хочет, чтобы я его обнародовала! Ха! – довольно сказала Марфа Кондратьевна.

– Что значит «ха»? – уточнила Рахиль.

– Я письмо прочитала! А теперь пойду и сожгу! – объяснила правозащитница.

– Как можно?! – вырвалось у меня. – Дайте всем почитать, а потом обнародуйте! Он ведь ждет! Он надеется на вас!

– У тебя спросить забыла, – презрительно бросила Марфа Кондратьевна. – Ирис Тосмахин ищет сторонников, жаждет славы. Он атеист, и я не собираюсь пропагандировать его пагубные идеи! Славы ему не видать! Это я решаю, что предавать огласке, а что – нет! Вот так-то!

Мне постепенно открывалось, что те люди, кого общество считало сведущими в проблемах Северного Кавказа, получали скудную, обрывочную информацию. На самом деле они не разбирались ни в нашей культуре, ни в традициях и не умели общаться с представителями Чеченской земли, подвергая себя порой ненужной опасности, а иногда неплохо зарабатывая на нашем горе.

Не покидала меня мысль и об Анне Политковской, которая резко высказывалась о Рамзанах Кадырове и которую убили в подъезде собственного дома.

В чеченском обществе на слова женщины не принято обращать внимания, спорить с женщиной недостойно мужчины, это равносильно переругиванию с диким или домашним животным, однако если женщина настойчиво повторяет обидные слова, ее ждет расплата.

Антивоенную позицию Анны Политковской я всецело разделяла, но ее слова о том, что человек, не имеющий образования из-за войны, – «просто дурак» и «лишен всякого таланта», удивляли: воинам не нужны школы, они от-

лично владеют мечом, а тот, кто любит литературу, прочтет ее даже под бомбами.

Между походами по иностранным посольствам Марфа Кондратьевна успевала заглянуть на митинги, где стояла с плакатами – выражала несогласие с властями. Каким образом это влияло на жизнь в стране, для меня оставалось загадкой. В доме Марфы Кондратьевны батрачили чужие люди, сама она ни чашку, ни ложку за собой не мыла.

За столом неспешно шла беседа о том, что жить в России катастрофически плохо, срочно нужны революция и восстание масс. Гости согласно кивали, но как только возникали вопросы о конкретном плане действий, Марфа Кондратьевна вскрикивала:

– На самом деле нас все устраивает! Государство о москвичах заботится. Детям – санатории, нам – бесплатный проезд по городу! Даже визу в загранпаспорте москвичам ставят на несколько лет, по Европе можно путешествовать без проблем. Другим россиянам такое и не снится!

– Нам не снится, – тихим голосом соглашалась с ней Зулай.

Прислуживая за столом, я лихорадочно соображала, куда перепрятать дневники, пока Марфа Кондратьевна не добралась до них. К дневникам правозащитница проявляла любопытство, но исключительно ради того, чтобы заполучить их и распорядиться ими, как ей вздумается.

– Мы не можем помочь Полине уехать из России. Но ты, Тюка, имеешь связи в правозащитных фондах и многим уже помогла выехать за границу! – сказал Абрам Моисеевич, опрокинув стопку беленькой.

Марфа Кондратьевна возмутилась:

– Я патриотка! Я не стану помогать Полине! Никогда! В душе я боготворю Россию! Я только ингушам и чечен-

цам помогаю уехать, но это другое дело – эти народы пострадали и пусть едут отсюда!

– Как же остальные народы в Чечне?! Все пострадали! – возразила я.

– Ты чудом спаслась, – поддержали меня Абрам Моисеевич и Рахиль.

– Именно! Мы с мамой знали чеченский язык, одевались, как велено по шариату. У мамы был муж-чеченец, двухметрового роста, с длиннющей бородой. Тех, кто оказался менее расторопным и находчивым, ждала страшная участь, – сказала я. – В каждом народе есть и герои, и негодяи. У нас негодяи подняли голову после Первой войны и стали истреблять земляков по национальному признаку. Махровым цветом расцвел геноцид во времена правления Масхадова! Убивали стариков, детей, женщин... Прямо приходили во двор и спрашивали, где здесь русские живут. Но были чеченцы, которые спасали и защищали русских соседей!

– Господи! Как бы я тебя в «Мемориале» показала?! Как бы в «Новую газету» привела?! Как бы позволила экспертам такое услышать?! Мы же без грантов останемся! Об этом надо молчать! Молчать! – всплеснула руками Марфа Кондратьевна. – У нас в фондах своя политика, и подобные высказывания там не пройдут! Без тебя разберемся, кто в Чечне прав, а кто виноват.

На Марфу Кондратьевну не произвели впечатления ни мои справки о ранениях, ни собранные свидетельства очевидцев, которые я вытащила из дорожной сумки.

– Давай сюда свои дневники о войне, Полина, а мы с коллегами решим, что с ними делать. Возможно, от лица чеченской девочки издадим, все лишнее уберем оттуда, – с напором заявила правозащитница.

– Тюка! Ты поступаешь неправильно, закрывая рот живому свидетелю, – недовольно высказался Абрам Моисе-

евич. – Полина сама может выступать на конференциях и рассказывать о том, что видела.

Никакие доводы на Марфу Кондратьевну не действовали. Едва Лев Арнольдович посоветовал супруге поговорить с иностранными послами о дневниках, она резко возразила:

– Полина приехала мыть зад моим детям! Вот ее удел! Нянька! У нас есть свои эксперты по Чечне!

– Сколько дней эти «эксперты» были в Чечне? Один? Два? Потом ужрались водки и свалили оттуда, – не сдержался Абрам Моисеевич и потряс перед хозяйкой пустой стопкой.

Надо сказать, что слова Тюки задели меня за живое; я три года проработала на Северном Кавказе журналистом, получила международную литературную премию имени Януша Корчака, однако в чужой избушке – свои погремушки. Отвести меня в организацию «Мемориал» или в другой правозащитный фонд Марфа Кондратьевна наотрез отказалась.

– Что это, тетя Полина? – отвлек меня от грустных мыслей Любомир, уставившись на румяную шарлотку, которую я достала из духовки.

Ульяна недоверчиво приняховалась.

– Осторожно, может, это есть нельзя! – науськивал их Христофор.

– Это пирог с яблоками! Радуйтесь, что в доме есть человек, который готовит! – засмеялся Абрам Моисеевич.

– Мама никогда не давала нам такое! – признались Ульяна и Любомир.

– Обычно мы деремся за беляши! – вставил Христофор.

– Я заметила, – кивнула я.

Рахиль украдкой смахивала слезы. Ее трое детей остались с няней в Хайфе.

Лев Арнольдovich наворачивал шарлотку с чаем и не переставал восторгаться:

– Четверть века назад последний раз едал я такой пи-рог и вкушал борщ! Восхитительно! Изумительно! По-трясающе вкусно! Полина на днях готовила борщ, а дети спросили ее: «Что это такое красненькое?». Как я сме-ялся! Они у меня и борща-то не видели. Не узнали его сразу!

– Мне нужно позвонить французскому послу по пово-ду международной конференции, – отчеканила Марфа Кондратьевна и, смерив гостей и мужа презрительным взглядом, ретировалась в кабинет.

– Тюка совсем не готовит. Как ты, Полина, успела заме-тить, вся еда в доме – это купленная жареная сдоба! Бли-же к ночи, – сказал в спину хозяйке Абрам Моисеевич, опустошив тарелку.

– Действительно, несколько дней подряд были пирож-ки, но я думала, что она просто не успевает купить про-дукты, – сказала я.

– Привыкай! – отозвалась Рахиль.

Лев Арнольдovich супругу не защищал, наоборот, ки-вал, что, дескать, да, худо жить без домашней еды. Раз-говор плавно перетек на детей и особенности психиче-ского развития.

– Аксинья родилась нормальной! – рассказал Лев Ар-нольдovich. – Доченька понимала стихи, песенки пела, а затем с ней произошло нечто мистическое! Необъясни-мое! Мы гуляли в лесу, она любовалась закатом. Не знаю, что она в нем увидела. Из ее груди вырвался нечеловече-ский вопль! Я пытался успокоить малютку и не смог. По-том она стремительно набрала вес, стала агрессивной. Врачи спорят, шизофрения у нее или аутизм, но я верю, что она перешла в другую реальность. У каждого из нас – своя реальность...

– Приезжай в Израиль, – предложили ему Рахиль и Абрам Моисеевич. – Мы комнату выделим, будешь с детьми каждый день к морю ходить.

– Отличная идея! – обрадовался Лев Арнольдович.

– Лучше, чтобы мы уехали отсюда навсегда, – мечтательно сказал Христофор.

Еврейские родственники переглянулись.

– Навсегда не пустим, – открытым текстом заявила Рахиль. – Добро пожаловать на месяц!

– Если захочешь вместе с детьми прильнуть к ладоням Израиля, тебе надо пойти в посольство и сдать ся по еврейской линии, – подмигнул Льву Арнольдовичу Абрам Моисеевич. – Докажешь, что в роду есть евреи, и шалом алейхем!

– Христофор бы в Израиле в армию пошел! – Лев Арнольдович задумался. – Пожалуй, схожу в посольство, укатим из чертового холода.

– Да! Папа, давай уедем! – поддержали отца Ульяна и Любомир.

Аксинья, сидя на кухне под иконостасом с кусочком шарлотки в руке, согласно замычала. Она ежедневно была бита домочадцами за непослушание, и я ночами молилась о том, чтобы к ней вернулся рассудок, хотя понимала, что, скорее всего, моя просьба обращена в пустоту.

Ближе к ночи я завела с Марфой Кондратьевной разговор о том, когда мне и матери можно будет въехать в новое жилье. Правозащитница уклонилась от прямых ответов.

– Полина, ты была на Красной площади? – спросила Рахиль, помогая мне собирать клочки от наволочки – коты с ней расправились и принялись за пододеяльник.

– Нет. Я с вокзала прямо сюда. Словно я не в Москве, а заперта в клетке на восьмом этаже: дом, лес, дети... и опять по кругу.

– Это неправильно, – покачал головой Абрам Моисеевич.

Марфа Кондратьевна мгновенно встряла в разговор:

– Ты что, Полина?! Очнись! Кто тебя обязан по историческим местам водить?! Твое дело – детей нянчить!

– Я оказываю вам круглосуточную помощь и заслуживаю уважительного отношения. И да, я хочу, чтобы мне показали Москву, – ответила я.

– Чего удумала! – возмутилась Марфа Кондратьевна. – Тебя сюда не за этим звали!

– Попробуем помочь, – тихонько пообещала мне Рахиль. – Возьмем завтра детей, скажем, что отведем их в кафе, заодно Красную площадь покажем.

– Вы видели Красную площадь? – спросил Абрам Моисеевич шустрого Христофора и молчаливую Глафиру, не проронившую за весь ужин ни слова.

Они отрицательно покачали головой. Младшие тем более никогда о ней не слышали.

– Как стыдно! – с укором сказала Рахиль. – Вы же москвичи.

– Времени нет, – оправдывался Лев Арнольдович, вытряхивая котов, запутавшихся и задыхавшихся в пододеяльнике. – Митинги, форумы, миротворческие дела, сами понимаете...

Оказавшись на Красной площади, я, как замороженная, не отводила глаз от собора с фигурными куполами. В народе прижилось его название – храм Василия Блаженного, в честь нищего и обездоленного юродивого, который обладал даром предвидения.

По площади сновали туристы, крутились продавцы сладостей. Дети Тюки с интересом смотрели по сторонам. Им оказались знакомы только вывеска «Макдоналдса», маячившего за фонтаном, и биотуалеты. Кабинки биоту-

алетов стояли недалеко от Мавзолея, вход был платный – десять рублей.

– И да узрел охламон, что сие есть круть несусветная, – произнесла я фразу из мультсериала «Магазинчик БО».

– Классная фраза! – поддержал меня Лев Арнольдovich. – Ты ее обязательно запиши в дневник!

После осмотра достопримечательностей Рахиль пригласила нас в «Макдоналдс». Дети заказали по четыре гамбургера с котлетами, а я впервые попробовала рыбный сэндвич. Лев Арнольдovich крутил головой и с удовольствием ел картофель фри, макая его в кетчуп.

– Когда еще окажемся в этих чудных местах! Наедаемся впрок! – командовал Христофор, и мы слушались маленького пирата, ели, пока угощают.

Вернувшись, мы застали Марфу Кондратьевну в нешуточном гневе. Зулай спряталась с глаз долой, а хозяйка потребовала ответа, на каком основании мы посетили центр Москвы.

– Не шуми, голубушка, прими валерьянку, – посоветовал ей Лев Арнольдovich.

– Бросили дома Аксинью! А сами няньку взяли с собой! Как вы могли?! Няньку!

– Нянька – тоже человек, – возразила Рахиль. – Ты, кстати, Тюка, не забыла ей заплатить?

Марфа Кондратьевна топнула ногой и последний вопрос предпочла не услышать, проворно закрывшись в кабинете. Оттуда она выкрикнула:

– Где это видано?! Каждый день начали покупать детям фрукты! Супы им подавай! Так никаких денег не хватит!

– У нас в Израиле золотой песок, шустрые чайки и святые места... – сказала, поманив детей за собою в кухню, Рахиль.

– Кто из вас знает о крепости Масада? – спросил Абрам Моисеевич.

– Не знаем, – отозвался за всех Христофор.

Христофор, Ульяна, Любомир и Глафира окружили коробку с конфетами, а несчастная Аксинья жалобно стонала по другую сторону запертой двери, но на нее никто не обращал внимания.

– Жирную скотину кормить не будем, – сухо велел Христофор.

– Это не по кодексу чести, – сказала я и протянула ей лакомство через дыру. Аксинья жадно запихнула в рот два шоколадных сердечка.

Христофор промолчал.

– Масада – древняя крепость, символ мужества и беспредельной отваги. Со всех сторон ее окружают скалы. В первом столетии нашей эры римские легионы захватили Иерусалим. Масада, расположенная у Мертвого моря, оказалась последним оплотом евреев. Защитников крепости насчитывалась тысяча, включая детей и женщин. Крепость держалась три года! – Рахиль вздохнула. – Потом она пала, но римляне никого не взяли в плен. Все, что они увидели перед собой, – горы трупов. Все жители крепости предпочли смерть неволе. По решению старейшин вначале мужчины убили женщин и детей, а потом себя.

– Они убили себя?! – потрясенно вскричал Христофор. – Но зачем?!

– Потому что рабство, Завоеватель, страшнее смерти, – объяснила я.

Тридцатого декабря две тысячи шестого года Марфа Кондратьевна лежала на раскладушке и морщила нос. Я пожаловалась ей на боль в ногах, куда однажды вонзились осколки ракеты, и попросила час отдыха. Марфа Кондратьевна пришла в ярость:

– Живо пошла работать! Отдыхать вздумала, нахалка!

Я ушла на кухню готовить обед, но мне не давал покоя вопрос, когда моя мама сможет приехать в Москву. И я снова отправилась к Марфе Кондратьевне.

– Ну, э-э-э... – скривилась правозащитница. – Приехать нельзя, в той квартире будет ремонт...

– Какой ремонт?!

– Там, где я хотела вам комнату снять. Все отменяется! Иди отсюда.

– Что вы натворили?! – Я покрылась испариной. – Из-за вас человеку отключили электричество, газ и воду до апреля! Как моя мама будет жить?! На ее пенсию не купить еды вдоволь, а вы ей такие мучения подстроили!

– Какое мне до этого дело? – равнодушно произнесла Марфа Кондратьевна, задрав ноги на стену.

– Вы обещали помочь с работой! Обещали издать мои дневники!

– Не помню такого!

– Вы сказали, что снимете мне и матери комнату в Москве. И вы обещали заплатить за работу!

– Насчет жилья – это была шутка. Не знаю, почему ты так серьезно все восприняла... Люди из Чечни слишком доверчивые, – хихикнула Марфа Кондратьевна.

У меня в глазах потемнело. Я шагнула вперед, представляя, как сдавлю ее горло, но сзади раздался возглас:

– Морской бой! Наша шхуна подошла справа, – и Христор с Любомиром ткнули меня плюшевым крокодилом в бок.

– Мама осталась без коммуникаций в двадцатиградусный мороз. Вы знали об этом! Сейчас вы заявляете, что это шутка?! Вы пошутили?! Совести у вас нет! – заявила я, отстраняя детей.

– Переживешь. – Марфа Кондратьевна пожала плечами, продолжая елейно улыбаться.

– Моя мама продала шкаф и кровать, чтобы собрать деньги на дорогу! И теперь спит на ледяном полу...

Дети испуганно переглядывались.

– Говорю же, не повезло вам, – вальяжно произнесла Марфа Кондратьевна и, встав с раскладушки, быстрым шагом ушла в кабинет, закрыв за собой дверь.

От такой чудовищной лжи я почувствовала себя как в четырнадцать лет, когда меня повели на расстрел. Будто мало мы пережили за десять лет войны, чтобы нас еще унижали правозащитники, пользуясь нашим положением – бесправных и нищих – в родной стране.

С трудом сдерживая слезы, я покормила детей, оделась и вышла на улицу.

Три недели днем и ночью я работала на семью Тюки, у меня не оставалось свободной минуты, чтобы подышать свежим воздухом. Я брела по Битцевскому парку, натываясь на деревья, а затем повернула обратно к домам, всерьез раздумывая о самоубийстве.

Сомнений не осталось: с самого начала Марфа Кондратьевна Тюкина не собиралась помогать мне ни с жильем, ни с изданием рукописи. Ей требовалась рабыня, которой некуда деться, которую легко подцепить на уловку, пообещав помощь больной матери, а затем не сдерживать слово.

Поэтому от меня скрыли телефон семьи Солженицыных, когда я захотела с ними поговорить. Мое письмо было адресовано им. Неужели письмо было украдено Тюкой и настоящие адресаты никогда не держали его в руках?

«Марфа Кондратьевна, дайте, пожалуйста, телефон семьи Солженицыных. Вы сказали, что они лично просили оказать мне помощь. Я хочу с ними поговорить!» – несколько раз просила я. Тюка ответила: «Они богатые! Живут припеваючи! Им нет до беженцев дела! А я тебя приютила. Никакого номера не дам!»

За место на шкафу я платила слишком дорого, отдавая все свое время без остатка чужой семье, без возможности присесть и отдохнуть.

Зная, в каком положении находимся мы с мамой, Марфа Кондратьевна исхитрилась и подловила меня, словно тюремная наседка: причинила боль близкому для меня человеку, нарочно введя в заблуждение. Простить боль себе – простила бы, но боль маме я простить не могла.

– Тюка, ты тварь, сволочь, подлая, беспринципная мразь с фальшивой репутацией святоши. – Слезы текли по моим щекам, ветер подхватывал их и уносил прочь. – Как ты могла?! Правозащитная гадюка!

Никого больше я в Москве не знала. Денег на обратный билет у меня не было. Мобильного телефона – тоже. Вера в то, что есть люди, которые могут нам помочь, окончательно рухнула – цель моего путешествия оказалась бессмысленной. Одно дело – читать о решении проблем в брошюрах по восточным практикам, и совсем другое – ощутить себя в пустоте.

Помочь себе может только сам человек. Или не поможет, если не сумеет.

Поднявшись на чердак шестнадцатипятиэтажного дома и проникнув оттуда на крышу, я посмотрела вниз. Спрыгнуть – и нет никаких тревог. Так говорил мой названный брат Николая.

«Сволочь Тюка, как ты могла сказать, что пошутила насчет жилья, когда речь идет о человеческой жизни?!»

Ветер игриво подбрасывал снег и сметал его с крыши, а мысль, что все закончится – нужно сделать только шаг, – не оставляла меня. Больно не будет. Оскорбления и унижения останутся позади.

Зачем я однажды остановила Николая? Где он теперь? Что ждет его в нашем мире? Какие муки?

Один шаг.

Сделай. Сделай!

Вспомнилось, как правозащитница не хотела давать мне номер своего городского телефона, я вытребовала его в последний момент, перед тем как отправиться в Москву. Тюка вначале дала номер мобильного. Но я упрямо просила домашний, и, когда на улице замерзшими пальцами набирала ее номер, мобильный оказался отключен: я бы никогда на него не дозвонилась. Лев Арнольдович ответил мне с домашнего номера.

Если спрыгнуть с крыши, не нужно будет ночевать на улице, хвататься за любую работу, думать, где взять деньги на лекарства и еду для мамы, испытывать боль от ревматических атак, судорожно вздрагивать от нестерпимых колик в ногах с уродливыми шрамами и задыхаться, хватаясь за сердце.

«И еще ты не узнаешь, как это – безудержно влюбиться».

Звонкий возглас с лукавой усмешкой, несвойственной крылатому вестнику, который маячит у верующих за правым плечом, раздался в пространстве. Мне стало не по себе, и на всякий случай я посмотрела по сторонам. Никого.

«Полина-Фатима, так тебе и надо. Ты родишься заново и пройдешь квест с нулевой отметки», – насмешливо продолжил невидимый собеседник.

Я ущипнула себя за руку – нет, это мне не снится.

«Решила, что уйдешь в свет, ха-ха-ха, но кругом лишь стены. Для одних стены материальны, для других – энергетически непреодолимы. Чтобы вырваться из короны Земли, нужна сила пророков. Остальные тусуются здесь, на мели».

«Наверное, так и сходят с ума. Начинают слышать голоса в моменты отчаяния», – подумалось мне.

«Мы бродим с отрубленными головами, с веревками на шее, сгоревшие в катастрофах, погибшие от голода. Мертвые не причиняют вреда. Бояться следует живых.

И, кстати, бомж Василий у церкви ошибся, ты совсем не воин. Нежной принцессе хочется отдохнуть от грешного мира. Ну, прыгай, чего ты застыла с обалдевшим лицом?» – голос, пропитанный откровенным сарказмом, начал вызывать раздражение.

«Э, нет, так не пойдет», – подумалось мне. Все в своей жизни решаю я сама.

На обледеневшей крыше я провела около часа. Невидимый собеседник молчал, словно его и не было.

Я смотрела на трассу, где, подобно улиткам, передвигались рогатые троллейбусы, на яркие детские качели и уютный дворик, в котором под метелью сновали москвичи и дворники-мигранты в светоотражающих зеленых жилетах. В какой-то момент я отчетливо поняла, что деревья Битцевского парка умеют говорить. Тоненькие березы и могучие сосны скрипели под натиском хлесткого борея. Их голоса были непохожи на голоса мертвых, они сливались в единый гул: живи, живи!

И я раздумала прыгать.

– Запомните все! – прокричала я с крыши. – Нельзя сдаваться! Плачьте, деритесь, любите, танцуйте, читайте молитвы, но не сдавайтесь! Я никогда не сдамся! Не дождетесь!

Спустившись по лестнице, я направилась вглубь лесопарка. Деревья продолжали поскрипывать о том, что жизнь – недолгая штука и обрывать ее раньше срока не стоит. Воины не сдаются, они умеют проигрывать, чтобы затем узнать вкус победы. Есть воины-пауки, воины-волки, воины-птицы...

«Твой дух виден нам! – скрипели деревья. – Ты Крадущийся Лис с хвостом как пламя зари!»

Голову мне сдавило железным обручем, и я провалилась между реальностями, как в ранней юности, когда уходила в глубокие медитации и видела расплавленное золото вместо человеческих глаз.

В деревянной беседке Битцевского лесопарка под Новый год кто-то рассыпал конфетти, и, добравшись до нее, я сочла, что здесь вполне можно жить. В войну мы жили без отопления, посреди снега и холода, в коридорной нише. Спали при уличной температуре, совсем не так, как беженцы, удравшие из Чечни в Европу.

Лежа на тонком деревянном настиле беседки, окруженной сугробами, я вглядывалась в дивные светящиеся гроздья звезд. Тучные снежные облака разогнал ветер. Слезы на щеках высохли, и никто не должен был знать о них, кроме деревьев, поведавших мне о духе Крадущегося Лиса.

Изумрудной нитью пронеслись в памяти стихи Николая Гумилёва, путешественника и поэта, по одной версии, расстрелянного, по другой – замученного голодом в Стране Советов.

*Он превращает в звезды горести,
В напиток солнца – жгучий яд,
И созидает в мертвом хворосте
Никейских лилий белый сад.*

– Перед ликом Всевышнего обещаю не проявлять слабости и не жалеть себя, – твердо сказала я. – Как говорил Улисс у Альфреда Теннисона: «Бороться и искать, найти и не сдаваться»!

– Полина! Полина!

Вдали раздались голоса, и, привстав, я заметила сияющую точку – фонарь из цветного стекла, отбрасывающий переливчатый отблеск на темно-синие сугробы.

– Полина! Ты где? – Впереди бежала Глафира, несуразно размахивая фонарем, внутри которого горела живая свеча. Длинная коса хлестала девушку по спине. За ней бестолково семенил Лев Арнольдович, оглядыва-

ьясь на снежные ветви, а за ним неслись Ульяна, Любомир и Абрам Моисеевич с Рахилью.

– Полина! Полина! – кричали они на разные голоса. – Мы тебя ищем! Отзовись!

– Здесь я!

– Полина, ты совсем замерзла! Вставай! – Глафира, поставив фонарь на скамейку, растирала мои окоченевшие руки, а я поняла, что где-то в лесу обронила перчатки.

– Мы тебя несколько часов ищем! – сообщил Лев Арнольдovich.

– Полина, мы так испугались! Кто будет с нами играть? – Любомир и Ульяна торопливо обнимали меня. – Как же мы останемся без красненького супа?!

– Это борщ, – напомнил детям Лев Арнольдovich.

– Что случилось? – взволнованно спрашивали меня Абрам Моисеевич и Рахиль.

– Я заблудилась! – отрезала я.

И мы пошли домой.

Христофор, оставшись без присмотра, обчистил карманы еврейских родственников. Обнаружив, что деньги пропали, Рахиль и Абрам Моисеевич стали возмущаться, но Марфа Кондратьевна защитила сыночка.

– Как всегда! – надулись евреи. – Мы еще и виноваты останемся!

– Вам двадцать рублей жалко?! – не унималась Тюка. – А приехать и жить в моей квартире нравится?! Никогда на отель не раскошелитесь, хитрецы!

Лев Арнольдovich принялся их мирить, а я пошла в ванную, чтобы согреться в горячей воде, поэтому не слышала продолжения.

Перед сном гости хвалили меня за вымытую всем обувь и вкусную еду, а я пожаловалась им на Марфу Кондратьевну.

– Поговорю со Львом, – пообещала Рахиль. – Знай, Полина, что он сам здесь на нелегальном положении. За двадцать пять лет брака Тюка не прописала его в квартире. Он прописан в покосившейся саманной хате где-то в сибирской тайге. Он может только просить, но не требовать.

– Пусть Лев Арнольдович купит газету с объявлениями, чтобы я нашла нормальную работу! – попросила я.

Уложив детей и перемыв посуду, я потребовала у Марфы Кондратьевны деньги за три недели труда.

– Отдайте зарплату! – сказала я.

Она пообещала:

– Сейчас, сейчас. Только схожу в кабинет...

Я бесполезно прождала ее в кухне до пяти утра.

Утром Лев Арнольдович под укоряющим взглядом Рахили пообещал мне принести свежую газету. Вернувшись из магазина с банкой рыбных консервов и макаронами, он сказал, что газету купил, но забыл в киоске.

– Боится, что ты сбежишь, – истолковала его хитрые речи Зулай.

Прислуживая за столом, я завела разговор о том, что мама вынуждена находиться в жилье, в котором отключены все коммуникации.

– Отключили даже электричество! А впереди январские морозы, – сказала я.

Марфа Кондратьевна от моих слов сделалась раздраженной и потребовала, чтобы я испекла пирог.

– Сладкого охота! – Она лицемерно улыбнулась. – Яблоки и мед купили Рахиль с Абрамом. Господь велит нам пользоваться его дарами. А ты, Полина, приехала работать. Тебе следует молчать и усердно трудиться.

– Тюка, в теплой квартире жить хорошо, а где-то замерзает пожилая беженка из Чечни, – вставил Абрам Моисеевич.

Зулай, сидя на краю лавки, смотрела вглубь чашки. Рахиль тяжело вздыхала.

– Не цените вы моего христианского милосердия, – вкрадчивым голосом ответила Марфа Кондратьевна, продолжая невозмутимо улыбаться. – В следующий раз, дорогие родственнички, вы будете умолять меня гораздо дольше, чтобы я разрешила вам остановиться в Москве.

Абрам Моисеевич покраснел.

– Живо за работу, Полина! – велела мне Марфа Кондратьевна.

Как только она вышла из кухни, я стала просить Льва Арнольдовича, чтобы он разрешил моей матери приехать на три дня.

– Я найду ей место сиделкой! Ей нужно куда-то прийти с вокзала. У вас ведь всегда в квартире живут люди.

– Полина, твоя мать старая. Она не сможет на нас работать. Она здесь лишняя! – отрезал он.

– Всего на несколько дней... – вступилась Рахиль.

– Нет! Мы Полину взяли, чтобы она трудилась няней и домработницей. Ее мать перенесла два инфаркта. Тюка не позволит здесь жить задаром! Вы осознаете, под каким дамокловым мечом нахожусь я?! – отчеканил Лев Арнольдович.

– Мне нужно выплачивать кредит! Хватит лжи и пустых обещаний! Купите мне газету с объявлениями! – потребовала я.

– Если ты, Лев, не купишь ей газету, я куплю! – вскипел Абрам Моисеевич.

– Пятьдесят два дня я не была на улице! Я считала. Пятьдесят два дня меня не выпускала Марфа Кондратьевна. Я работала круглосуточно! Стирала, убирала, чистила. Бесплатно! Здесь постоянно гости, никто за собой не мыл посуду. Я жду ребенка. Пока Полина не приехала, я даже

не могла убежать на улицу и побыть в тишине! Никаких выходных у меня не было! – Зулай закрыла лицо руками.

Рахиль шепнула мужу:

– Нам пора возвращаться в Израиль!

После череды напоминаний Марфа Кондратьевна величественно протянула мне три тысячи рублей. Я-то думала, что она заплатит мне пятьдесят-шестьдесят тысяч! Такую зарплату указывали в объявлениях по Москве, с учетом объема работы. Глядя на жалкие гроши, я попыталась подобрать приличные слова, а хозяйка все так же надменно усмехалась.

– Это все?! – спросила я Льва Арнольдовича, который крутился рядом.

– Ну ты же здесь живешь... – пробормотал он, не глядя мне в глаза.

Хлопнув дверью, я добрела до ближайшего почтового отделения и отправила матери денежный перевод, чтобы она не сидела голодная. Пусть в холоде, но с чаем и булочками. Разогреет чайник у бабки Алисы.

Тюке я объявила, что ухожу.

– Буду спать в подъезде у лифта, – сказала я. – Вы мошенница!

Марфа Кондратьевна вытаращила глаза и посоветовала мне подумать как следует.

– Куда тебе идти, Полина? Денег у тебя нет. На улице долго не протянешь. Зима!

Ульяна и Любомир, увидев, что я полезла на антресоли за сумкой, заревели:

– Не бросай нас, тетя Полина! Не уходи!

– Полина, не бросай нас, пожалуйста. Поживи на шкафу! – неожиданно попросила Глафира.

Аксинья истошно завывала и разбила чашку, смахнув ее животом с тумбочки.

– Куда ты, абрек? – Христофор бегал вокруг меня. – Я с тобой! Брошу всех их к черту, и пойдём вместе скитаться по свету!

– Полина, останься ради детей! – начали уговаривать еврейские родственники. Они складывали чемоданы. Тюка их не останавливала.

– Полина, я у подруги справлю Новый год, пока ее муж в командировке, – тихонько шепнула Зулай. – Отдохну от этой психушки, потом вернусь. Ты останься здесь, посмотри за маленькими...

– Останусь! – пообещала я. – Но поищу себе другую работу, нормальную, где мне будут платить деньги!

Написав объявления «Няня ищет работу», я расклеила листовки с номером домашнего телефона Тюки возле детской площадки. Несмотря на новогодний ажиотаж, нашлись заинтересованные мамочки.

– У вас есть рекомендации? – спрашивали они в трубку. – Можно посмотреть?

Рекомендаций не было, их требовалось срочно достать.

Ближе к вечеру я повела шумную ватагу на прогулку. Лев Арнольдович остался дома, обидевшись на супругу: она позволила Рахили и Абраму Моисеевичу уехать в аэропорт накануне праздника.

– Мама рылась в сумке, искала тетрадки, – сказала вдруг Ульяна.

– Где рылась?! – не поняла я.

– Ату, ату! Берегись! Завоеватель мира идет! – Христофор орал во все горло.

– С записями, – подсказала Глафира. – Она какие-то записи из Чечни искала!

– Как же так? – Я пропустила два снежка по уху.

– Ха-ха-ха! – довольно засмеялся Христофор. – Я победитель!

– Вам больно, тетя Полина? – сочувственно спросил Любомир.

– Все в порядке, – ответила я.

– Пока ты готовила обед, мы с Ульяной их перепрятали, – торжественно произнесла Глафира, пытаюсь застегнуть на молнию старую оранжевую курточку, из которой давно выросла.

– Куда?! – вскричала я.

– За лыжи и мешки на лоджии. Там спрятали пакет с тетрадками. Мама на лоджии не посмотрит, – заулыбались девочки и подмигнули мне.

Было очевидно, что в доме Тюки появились преданные фанаты борща и плова.

– Спасибо, родные! Лоджия и впрямь завалена хламом...

– Если глянуть на нашу лоджию издали, то покажется, что она завалена мусором наполовину, а если присмотреться внимательно, понятно, что доверху, – пошутила Глафира.

Когда до Нового года остались считанные часы, Лев Арнольдович небрежно стряхнул с себя Мяо Цзэдуна и, крича от боли в пояснице, второпях оделся. Ржавый топор с перемотанным изолентой топорщиком я заметила еще с утра – он валялся у диванчика в прихожей. Лев Арнольдович деловито его поднял, залиvisto присвистнул и, надвинув берет поглубже на глаза, вышел из квартиры.

– Куда пошел папа? – спросила я детей.

– Елку воровать, – охотно пояснил Христофор.

– Что?!

– В Битцевском парке елки рубить нельзя, закон запрещает, поэтому папа по-тихому. Вжик-вжик – и елочке капут!

– И вот она нарядная на праздник к нам пришла... – зятнул песню Любомир, уставившись в телевизор.

– Не пришла еще! – возразила Глафира, оторвавшись от приключенческой книги «Айвенго». – И вообще, если милиционеры папу повяжут, он будет сидеть в участке.

– Не повяжут! – Христофор нахмурился. – Мы, пираты, свое дело знаем!

– Помолимся за папеньку? – предложила Ульяна.

– Уже принесли елку из леса? – Правозащитница с блаженной улыбкой вплыла в комнату. Она притащила из кабинета деревянный ящик с елочными игрушками, переложенными соломой.

– Нет еще, – ответила я. – Ждем!

– Как принесут, нарядите. Это старинные игрушки моей прабабки. А она была из знатного дворянского рода. – Марфа Кондратьевна торжественно поставила около меня ящик и удалилась.

Котенок Чубайс, кот Мяо Цзэдун и кошка Мата Хари начали проявлять к ящику с елочными игрушками недвусмысленный интерес.

– Кыш! – сказала я им.

Озираясь по сторонам, чтобы не засекали соседи или милиция, Лев Арнольдович вбежал в квартиру с елкой.

– Ура-а-а! – закричали дети.

Мы с Глафирой стали ее наряжать, украшая дождиком и мишурой. Христофор тем временем поставил тарелки с праздничного стола на пол и внес предложение:

– Давайте есть как кошки!

– А стол будет пустой? – уточнила я.

– Нет! На столе буду сидеть я и всеми командовать! – ответил Христофор.

Отец схватил его за ухо и утащил в свою комнату.

– Помолится у икон на коленях, и Господь его направит, – благочестиво сказала Марфа Кондратьевна.

После того как я накормила всех праздничным ужином, дети убежали в гостиную смотреть телевизор, а хозяйка дома осталась за столом допивать шампанское.

– В молодости мы с друзьями обчищали магазины. По-тап скабрёзными шуточками отвлекал продавщицу, а я таскал сыр и водку. Под куртку спрячу съестное и шмыг из магазина, – поделился дорогими воспоминаниями Лев Арнольдovich.

– Как же это? – вырвалось у меня.

– Добывали как могли, – довольно рассмеялся старый миротворец.

Хозяйка дома фыркнула, заметив мое удивление, а я настойчиво потребовала у нее выходной.

– Что?! – истерично взвизгнула Марфа Кондратьевна. – Какой еще выходной?! Где это видано?! Наглая девчонка!

– Что это еще за выходка?! – поддержал супругу Лев Арнольдovich. – Зачем тебе, Полина, выходной день? Живешь здесь – круглосуточно нянчи детей!

– Их пятеро! Глафира не умеет мыть посуду и стирать. Аксинья больна и требует постоянного ухода. Ульяна и Любомир не посещают садик. Христофору нужно внимание. Я хочу один день в неделю отдыхать. Ясно?

– Не нужен тебе выходной! – Марфа Кондратьевна и Лев Арнольдovich одновременно всплеснули руками.

– Нужен!

Недоуменно качая головами, они несколько минут не могли прийти в себя.

– Господи! Сколько лет у нас жила прислуга, и никто на такую дерзость не осмелился! – вспыхнула Марфа Кондратьевна.

– А я осмелюсь! Этого мало – один день в неделю, но пока я не нашла нормальную работу, буду помогать с детьми! Один день в неделю принадлежит только мне! Что хочу тогда, то и делаю!

– Мы православные! Воскресенье не отдадим! Мы в Господа веруем! – Тюка продолжала отстаивать свои позиции.

– Марфа Кондратьевна, я возьму день в шаббат. В субботу меня здесь не будет. Сами будете гулять с детьми и мыть за собой посуду! – громко и четко сказала я.

Ошеломленный Лев Арнольдович с трудом перевел дыхание и не возразил. Тюке пришлось согласиться.

Лежа на шкафу в новогоднюю ночь, я думала о том, как легко ошибиться в людях, и мысленно благодарила маму за строгое и жесткое воспитание: иначе бы мне не выжить среди таких «благодетелей».

– Если бы ты не наливался водкой как свинья, Аксинья бы не свихнулась! – гремел в кабинете бас Марфы Кондратьевны.

– Тюка, ты не мать! Ты ни на йоту не сделала для детей, мыбра! – возражал с раскладушки Лев Арнольдович. – Чужие люди их горячим супом кормят!

– Ты что, кроме шампанского вылакал бутылку настойки, старый пень?! – ругалась Марфа Кондратьевна.

Супруги сходились в одном: как можно меньше времени проводить с безумной дочерью и младшими детьми, бросая их на няnek и гостей.

Первый день января открыл рабочий календарь – я собирала грязную одежду по квартире, а больная Аксинья сидела в ванне и горстями ела гранулы стирального порошка из пачки, которую родители забыли спрятать. Вид у нее был довольный.

– Аксинья, пора выходить, – сказала я.

– Хочу мужика! – четко произнесла Аксинья.

Я своим ушам не поверила.

– Что? Аксинья, повтори, пожалуйста.

Но больше она не произнесла ни слова, начала мычать и крутить головой. «Наверное, мне показалось

от усталости», – подумала я. С Аксиньей приходилось договариваться при помощи жестов и карточек. Но с карточками дело осложнялось тем, что дети все время их переключивали, пока окончательно не затеряли несколько наборов. Поэтому я брала любую вещь соответствующего цвета и показывала Аксинье издали: голубая машинка означала «идем на прогулку».

Когда мать или отец хотели прогнать Аксинью из ванны, то давали дочери крепкие затрещины и подгоняли хворостиной. Христофор для этого использовал швабру. Пришлось забрать у него подручное средство.

– Что не так, Полина? Я тебе помогаю! Мы всегда ее гоним! Папа на Аксинье воду в канистрах носит с лесного родника! Хворостиной толстуху не подгонишь – сама не пойдет! – Христофор искренне не понимал моего возмущения.

– Ее нельзя бить! Мы договорились ориентироваться по цветовой гамме, – напомнила я.

– Она тупая!

– Она нуждается в помощи!

– Тупая и кусачая корова не понимает ни слова!

– Понимает, что ей больно. Попробуй себя ударить и узнаешь правду.

Христофор задумался, а затем со всего размаху врезал себе шваброй по ноге.

– Ай-ой, а-а-а, – заорал он, присев на корточки.

– Сработало!

– Ах, зачем я это сделал, абрек Полина...

– Опыт, Христофор, – вещь незаменимая.

Обнаженная Аксинья, по которой стекала мыльная вода, покинула ванну самостоятельно и с завываниями помчалась на лоджию. Я увела ее оттуда.

Лев Арнольдович вдруг разозлился:

– Что ты ее трогаешь, Полина? Пусть ходит, где хочет!

– Она может причинить вред себе или другим, – сказала я. – Ее нельзя бросать одну. На мне все дети. Приглядывайте за ней.

– Ничего слышать не хочу, – оборвал он меня и спрятался за «Новой газетой».

На прогулке мы с детьми лепили снеговика. Христофор бросался снежками, а Глафира читала нам свои стихи. Больше всего мне хотелось тишины и покоя, я мечтала оказаться в том месте, где нет крика, визга и бесконечного шума, но это было недоступное запредельное счастье. После снежка, угодившего мне в лицо, я нащупала языком, что из зуба выпала пломба.

На детской площадке с ребятишками гуляли бабушки и мамы. Выслушав, на каких условиях я нахожусь в доме Тюки, они озадаченно качали головой:

– Круто на вас насели правозащитники! Бедная вы, бедная.

В круговерти уборки и готовки я видела Марфу Кондратьевну по вечерам. Она по-прежнему никаким образом не участвовала в заботах о семье, но периодически запихивала в бюстгальтер диктофон и подходила ко мне с расспросами.

– Зачем вы это делаете? – спросила я, догадавшись, что чеченские дневники она не нашла, но хочет добыть эксклюзивную информацию.

– Мне важно узнать о военном времени... – не моргнув глазом выдала Марфа Кондратьевна.

– Диктофон у вас из лифчика торчит... Что же вы опять его так плохо спрятали? – спросила я, намывая полы в прихожей, где от детских сапожек после прогулки натекли лужицы.

Марфа Кондратьевна потрогала грудь и убедилась, что я говорю правду.

– А я думала, что незаметно. Ну да ладно! – Она невозмутимо сунула руку под водолазку и вытащила диктофон. – Моя коллега живет в Финляндии. Она попросила на тебя информацию накопать, – непонятно зачем призналась Тюка.

– Как ее зовут? – спросила я.

– Сусанна Черешнева. В Северной Европе ее называют Пионер Рыжик.

– Хм. – Это показалось мне подозрительным.

– Сусанна помогает чеченским беженцам эмигрировать в лучшую жизнь, если их истории покажутся ей интересными. Сама понимаешь, каждый хочет заработать...

– Ничего ей обо мне не говорите! – попросила я.

– Я уже сказала.

– Вы действительно правозащитница?

– Разумеется, – зарделась Марфа Кондратьевна. – Мы с Анной Политковской приятельствовали!

– Однажды на конференции госпоже Политковской задали вопрос о геноциде русских в Чечне. Она сказала, что ничего не знает об этом. Действительно, до Первой войны люди в республике не враждовали, но затем поднялись местные бандиты-националисты и начали вырезать по пять-шесть русских семей за ночь. Не знать об этом Анна Политковская просто не могла!

– Так это известное дело! – махнула рукой Тюка. – В разгар боевых действий чеченцы ехали за лучшей жизнью в Европу, и заявить в тот момент, что в Чечне преследовали русскоязычных, означало бы, что среди чеченцев есть националисты и убийцы. Анна Политковская хотела, чтобы всех чеченцев считали хорошими, помогли им на Западе, приютили.

– Но об этом надо говорить! Только признав преступления с обеих сторон, народы смогут жить в мире!

– Наивные заявления! Главное – носом чуют, куда дует ветер перемен... – отмахнулась Марфа Кондратьевна.

– Анну Политковскую убили...

– Именно! – перебила меня правозащитница. – Убили! Но поверь, ты бы ей не понравилась, она бы не стала слушать твою чепуху или публиковать твой дневник.

– Отчего вы так решили?!

– Попробуй предложить свои записки в «Новую газету». Они сразу укажут тебе на дверь.

– Не говорите вздор! – не сдержалась я. – В «Новой газете», наверное, не получили мои письма... Я писала им шесть раз. Если бы они узнали обо мне, сразу бы опубликовали военное свидетельство на первой полосе!

– Ой, не могу! – Марфа Кондратьевна схватилась за бока, сгибаясь от смеха. – Почему в Чечне такие наивные люди? Прямо как дети! Пошлют они тебя подальше! Они сами эксперты по Северному Кавказу! Зачем им человек с войны, который может поставить под сомнения их доводы?! – И, давась от хохота, правозащитница нырнула в кабинет.

Ее кабинет постоянно находился под замком, ключ Марфа Кондратьевна носила на шее, выдавая его мужу и Глафире строго по часам. Меня к компьютеру не пускали, а беспроводного интернета в квартире не было.

Намывая полы, я покачнулась от усталости и заметила тени, пляшущие по стенам. Глафира и Лев Арнольдович подтвердили, что тоже видят призраков.

– Надо батюшку пригласить, чтобы он святой водой квартиру окропил! – решили они.

Батюшку так и не пригласили, но через пару дней Лев Арнольдович купил на ярмарке лампочки для светильника в прихожей и книгу по истории Средних веков. Прочитав книгу, мы выяснили, что раньше противники забрасывали друг друга не только стрелами из арбалетов, но и кусками разлагающихся лошадей – бактериологическим оружием своего времени.

– Значит, у нас в доме еще терпимо воняло до прихода Полины. Разлагающаяся туша, пожалуй, шибче пахнет. А теперь Полина убирает и совсем чисто стало! – подвел итог Христофор.

Все люди – отражения друг друга. Глядя на Христофора, я вспоминала, как, будучи маленькой озорницей, спрятала ключи соседки Марьям, чтобы она не пошла на работу. Христофор отзеркалил мой детский поступок. Это означало, что и Тюка, и Лев Арнольдович должны стать моим опытом и смысл нашей встречи не так примитивен, как могло показаться вначале.

Зулай вернулась от подруги через несколько дней. Она выглядела отдохнувшей. Она не носила косынку или платок, как принято у чеченских женщин, ее волосы свободно падали на плечи. На мой вопрос о наших строгих традициях Зулай ответила так:

– Я хочу быть модной. Муж не носит арестантскую робу в тюрьме и не работает. Все ходят в робе, а он – в шикарном спортивном костюме, и у него есть телефон, хотя это не положено. Главное было на лапу начальнику тюрьмы сунуть.

Зная, что Аксинья съест все, что найдет, Зулай, не успев разуться, полезла на антресоли прятать пакетики с лапшой «Роллтон». И пока мы отвлеклись, я с тетрадкой дневника, а Зулай с тайником, Аксинья уничтожила пару свежих батончиков. Урча от удовольствия, больная подкралась ко мне и ударила с такой силой, что шариковая ручка, которой я писала, сломалась, а стержень вонзился в палец.

– Видишь, Поля, как она страдает! – сказал Лев Арнольдович. – Ты должна ей сочувствовать! Глупышка подумала, что это ты заперла кухню вчера и поэтому она не смогла умять батончики сразу! А это сделал я! Сегодня забыл, где ключи, и дверь осталась нараспашку. Ха-ха-ха!

Аксинья хватала себя за интимные места и то радостно мычала, то громко ревела, то мелодично стонала.

– Против природы не пойдешь, – цокала языком Зулай. Заскочив обратно в кухню, Аксинья вылила в раковину моющее средство.

Спрятав тетрадку, я поплелась мыть кастрюльки и тарелки и заодно готовить. Без геля мне пришлось тереть их щеткой под горячей водой. Мыть посуду было приятно, я вспоминала, как в войну мы стирали в ледяной воде и вытирали чашки снегом. Марфа Кондратьевна устроилась рядом на лавке и завела поучительную беседу:

– Ты обязана стать православной, Полина. Православные войдут в рай. Остальные останутся за чертой милости.

– Что вы, Марфа Кондратьевна, скажете про тех, кто жил до христиан? О пророке Моисее, например? О Ное? Что вспомните про ранних христиан, отрицавших любые изображения и не торговавших в храме? Разве они поклонялись мощам? Это же сатанизм! Что вы знаете про тех, кто живет, следуя за учением пророка Магомеда? И, кстати, Гомер был неплохим идеологом, он обозначил и литературно преподнес эпохальный пантеон богов, поэтому крайне несправедливо, что его не объявили пророком.

Марфе Кондратьевне мой ответ не понравился.

– Это язычники! У них в сердце тьма, а у нас – солнце, – с вызовом заявила она.

– Давайте я с детьми поиграю, а вы посуду помоете, – предложила я.

– Да как ты смеешь говорить подобное?! – разозлилась Марфа Кондратьевна.

– Есть еще идея. Давайте найдем йога Руслана. С ним дружил мой дедушка Анатолий, – перевела я разговор. – Руслан – чеченец. Он живет в Израиле. Он может составить программу по реабилитации Аксиньи.

– Это не лечится! Это кара Божья! Все эти йоги от дьявола! Тьфу! – возмутилась Тюка.

– Ваше мнение я услышала.

– Всю ночь надо стоять у икон! Глафиру поведу в церковь. И тебе там место!

– Ну уж нет! – ответила я. – Сами идите.

Про мусульманскую веру Марфа Кондратьевна слушать не захотела:

– Есть одна правильная религия – православная! Точка! Другого не существует!

– Вашим детям следовало бы рассказывать обо всех учениях, – посоветовала я. – В нашем доме всегда были Тора, Библия и Коран!

– Какой бред! Ничего подобного им рассказывать нельзя! – От моих слов Тюка побагровела.

– Мама, а что такое НЛО? – На кухню забежала Ульяна.

– Ты что, забыла, дочка? НЛО – новые технологии бевсов! – твердо сказала Марфа Кондратьевна.

Со смеху я чуть не разбила тарелку, которую вытирала полотенцем. Громко хихикнул и Лев Арнольдович, но дипломатично промолчал. Ему на шею Марфа Кондратьевна повесила деревянный крестик, чтобы он о своем еврействе и думать забыл.

Выйдя на прогулку, любознательный Христофор с палкой в руке погнался за крупной серой крысой, обитавшей во дворе. Я бросилась за ним, а за мной – Ульяна, Глафира и Любомир. Аксинья осталась выть у подъезда.

– Не трогай животное! – на бегу кричала я Христофору. – Не дам тебе крысу мучить, они умные.

– Я не мучить! – Христофор насупился. – Пусть дома живет. У пиратов раньше жили попугаи.

– Мама тебе не разрешит, – сказали девчонки.

Крыса благополучно спряталась за мусорными баками, только хвост мелькнул. Надо сказать, что мусор в Москве никто не сортировал, поэтому мыши и крысы спокойно соседствовали с бездомными кошками и собаками. Их изредка гоняли дворники, поселившиеся в подвале под трубами, – другое жилье трудовым мигрантам не предоставлялось.

Дворники соорудили метлы из веток, у них были яркие светоотражающие жилеты, поэтому дети Тюки с удовольствием вступили с дворниками в разговор. И я решила познакомиться.

– Большую часть зарплаты отбирает начальство. Расписываемся за одну сумму, получаем в два раза меньше, – пожаловались они, узнав, что я из Грозного.

– Московские правозащитники вам не помогают? – спросила я, думая о своем.

– Нет! В подвале крысы бойко снуют, а правозащитников мы не видели ни разу...

От таджиков не пахло табаком или алкоголем, они выглядели порядочными людьми, загнанными в нечеловеческие условия, и в этом я с ними была похожа. Заметив, что мы разговорились, из подвала вышла темноглазая беременная женщина лет тридцати с тазом в руках.

– Меня Бахор зовут, – сказала она и, показав на мужчин, добавила: – А это Рузи и Давладбек.

Бахор приходилась Давладбеку женой, а Рузи оказался его младшим братом. Жили трудовые мигранты в подвале за неимением возможности снять другое жилье. Худой смуглый Рузи то и дело старался услужить жильцам, носил тяжелые сумки, когда видел, что пожилой человек идет из супермаркета. Бахор стирала у подъезда разноцветные пеленки в тазу – год назад у пары родились близнецы. В подвал была проведена вода, но слива не было, и Бахор ловко выплескивала воду из таза на клумбы.

– Рожала я в подвале, скорая к нам не приехала, у нас ведь ни медицинского полиса, ни адреса нет, – призналась она.

Пока дети Тюки бесились на площадке рядом, я вкратце поведала работникам из Таджикистана свою историю и попросила помощи:

– Можно сумку у вас оставить? Там, где живу, я хозяйке не верю.

– Хорошо, – закивали таджики. – Все, кто из Чечни, – нам братья и сестры. Мы тоже знаем, что такое холод, голод и несправедливость. Мы на трубу под потолком поставим твою сумку, там крысы не особо лазают...

– Спасибо!

Возвращаясь с прогулки, мы встретили соседку Ларису.

– Напишу тебе рекомендацию! – оживилась она. – Будто ты нянчила у меня сыновей целый год! Я тебе верю! Ты все время нас выручаешь.

Любомир и Ульяна наслаждались мультиками, а Христофору нравились шумные игры. Мы захватывали заложников: я была полицейским, а Христофор – террористом. Заложниками по моему настоянию стали не младшие брат и сестра, а совок и веник.

Я вербовала Христофора в спецслужбы и уговаривала бороться с мафией. Вместе мы защищали президента галактики (эта роль выпала многострадальному коту Мяо Цзэдуну). Террористы захватили звездолет президента, вылетевший из созвездия Орион к Южной Гидре. Нужно было срочно подобрать пароль к сложной волновой системе, запрограммированной на столкновение с метеоритным дождем.

– Ригель? Бетельгейзе? Арктур? – делал попытки Христофор.

– Нет. Осталась всего минута. Думай еще, – торопила я.

– Что вы тут бормочете? – встряла Марфа Кондратьевна, проходя мимо.

- Фомальгаут? Канопус? – не сдавался Христофор.
- Что это за слова ты выучил с нянькой?! – возмутилась правозащитница. – По-иностранным матом ругаетесь?
- Мы играем. У нас пароль – одна из самых ярких звезд, – объяснила я.
- Мама, иди отсюда и не мешай, – велел Христофор. – Мы с Полиной утром читали книжку о Вселенной.
- Вот еще удумали... – начала было Тюка, но махнула рукой, потому что в кабинете зазвонил телефон.
- Данные перехвата расшифрованы, – вернулась я в игру. – Звезда на букву А. В Древней Персии ее почитали как одну из четырех царских звезд.
- Антарес! – догадался Христофор и счастливо засмеялся. – Президент галактики спасен!
- Лев Арнольдович подал голос из своей комнаты:
- Если кто-то снял чеку с боевой гранаты, надо схватить его за кисть и отрубить!
- Христофор от удивления выронил Мяо Цзэдуна.
- Полина, пойдем в папино окно смотреть на звезды! – оживились Глафира и Любомир.
- Над Битцевским парком разлилось голубоватое сияние. Яркий объект в виде конуса неподвижно завис над макушками деревьев, будто привязанный на невидимом тросе. Дети смотрели, как объект после скачкообразных движений сжался в точку, а затем растворился.
- Это были пришельцы из другой галактики! НЛО! – уверял нас Христофор.
- Есть добрые и злые инопланетяне, – добавила Ульяна.
- Пусть во Вселенной живет больше добрых людей и добрых пришельцев, – вздохнула Глафира.
- Пойдемте пить чай с молоком, – ответила на это я и порадовалась, что дети не считают инопланетян бесами, как Марфа Кондратьевна.

(Продолжение следует...)